

Николай Семенович Лесков

**Специалисты по женской
части**

Содержание

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ	0004
I	0004
II	0008
III	0016
IV	0027
V	0037
VI	0040
VII	0045
VIII	0049
IX	0056
X	0069
СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ	0076

Николай Семенович Лесков
СПЕЦИАЛИСТЫ ПО
ЖЕНСКОЙ ЧАСТИ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

Говоря поистине, в настоящее время нигде, может быть, нет столько вопросов, как в России. Передовые люди, желающие руководить развитием идеи и направлением умов нашей страны, очевидно, только в шутку сетуют на темноту наших соотчичей, а на самом деле несомненно считают Россию самой способною страной для беспредельного прогресса.

Существование такого лестного для нее убеждения между прочим доказывается как массою вопросов, предлагаемых ей к разрешению ее передовыми людьми, так и свойствами этих вопросов, ибо в числе этих вопросов большая половина решена неудовлетворительно всеми западными народами, имевшими социальные революции и имеющими свои, относительно либеральные, учреждения. России в разрешении этих вопросов предоставляется как бы право перерешения и

вершения. Правда, что в числе этих так называемых вопросов, поступивших на перерешения, в России было очень много вопросов уже очень старых, переставших быть вопросами, но нельзя сказать, чтобы наши умные люди и ими пренебрегли за их старостию и за давностью окончательного произнесенных над ними решений. Напротив, всеми этими вопросами занимались у нас с жаром и постоянством, всегда превышавшими саму возможность предмета. Еще не прошло трех лет, как в «Современнике», журнале, имевшем репутацию самого лучшего периодического издания в России, со всею серьезностью ставили и разрешали русскому обществу такие вопросы:

- 1) Мужики люди ли?
- 2) Женщины люди ли?
- 3) Хорошо ли народ учить грамоте?

Вопросы эти обсуждали и, обсуждая их, старались пространно доказывать: что мужики люди, что женщины люди и что народ учить грамоте очень хорошо.

С «Современником» никто не спорил, что мужики люди, что женщины люди и что народ учить грамоте хорошо, и справедливость

требует сказать, что почтенному журналу ни по одному из этих трех затруднительных вопросов не посчастливилось сказать ни одного здравого слова, которое бы пережило, например, хоть просьбу редактора этого журнала поэта Некрасова к покойному М. Н. Муравьеву не щадить умышлявших на жизнь Государя Императора, но, тем не менее, за «Современником» осталась репутация специалиста в разрешении вопросов: 1) Мужики люди ли? 2) Женщины люди ли? 3) Хорошо ли народ учить грамоте?

За этими головоломными вопросами шел целый ряд других вопросов, столь же головоломных и тоже создавших себе в России своих специалистов.

В числе таких вопросов мы должны назвать женский вопрос, который отличается не только своею пустотою и бестолковостью, но и своею живучестью.

С тех пор, как у нас начали обсуждать этот вопрос, в жизни нашей страны произошло много событий, потребовавших от русских людей серьезного отношения ко многим вопросам, действительно заслуживающим это

имя. Таковы: 1) крестьянский вопрос, 2) вопрос польский, 3) вопрос о полякующих русских, 4) восточный вопрос, 5) вопрос о судебной реформе, 6) вопрос земства, 7) финансовый вопрос, 8) вопрос о достоинстве нашего государственного значения в среде злобствующих на нас государств Европы, 9) вопрос о сокращении армии, 10) вопрос о печати и др. Но прежде чем большинство этих вопросов соединенными усилиями лучших людей государства получило окончательное разрешение и устой в направлении, противном желаниям людей, небрегущих о силе и славе России, специалисты по части пустых вопросов выдвигают на сцену свои мелкие хлопоты и заводят речи о том, что не вызывает ни речи, ни объяснений.

В эти минуты, которые можно назвать почти торжественными минутами, когда нация, может быть, впервые за сто лет назад, снова начинает чувствовать себя нацией и не безучастливо смотреть на внешние и внутренние распоряжки своего правительства, горсть мелких людей старается отрывать общественное внимание вопросами ничтожнейшими, о

которых говорить и не говорить все равно, но которыми усиливаться занять общественное внимание в такое серьезное время недостойно людей, мало-мальски солидных.

Не будет особенно резко сказать, что если бы такие усилия не объяснялись пустотою и тупостью производящих их людей, то их можно было бы объяснить изменою стране, желанием отвлекать общество от солидных вопросов, требующих всего его внимания и участия.

II

Женский вопрос в России явился совсем не так, как все другие, вышеназванные нами вопросы, возникшие исторически. Женский вопрос не заявлен к разрешению самою русскою жизнью, как поставлены ею, например, вопросы, вытекавшие из реформ судебной и крестьянской, из дела польского, из сепаратных стремлений наших иноплеменных подданных, из нерадения русских чиновников в западном крае о выгодах России или даже из угнетения единоплеменных нам народов на Востоке. Женскому вопросу не предше-

ствовало никакое событие, вызвавшее его на сцену, а он создан и предложен к разрешению одним человеком — сосланным впоследствии в каторжную работу и там и умершим литератором Михаилом Ларионовичем Михайловым.

Этот писатель, известный своею необычайною способностью увлекаться и замечательный гораздо более пламенностью своих фантазий, чем логичностью своих мыслей, открыл женский вопрос в своей собственной голове и заговорил об нем со всею смелостью и бесцеремонностью, составлявшею особенность манеры писателей тогдашней эпохи. Из уст г. Михайлова и быстро составившегося за ним ряда первых специалистов по женской части общество русское узнавало, что женщины наши унижены, оскорблены; что они всегда находятся в зависимости от мужчины или от семейства, что у них нет прав и что эти права им и надо добыть. Каких именно прав им надо было добывать, — об этом ничего ясно сознанного и определенного в тех первых заявлениях сначала еще не было, а говорилось только о необходимости прав. Можно

было понимать только одно, что борцы за эти права имели в виду предоставление женщинам равноправия с мужчинами; а более же — они все плакались над долею женскою и давали чувствовать, что знают, чем ей помочь, но что этого неловко как будто сказать, потому что правительство это... цензура... ну, и все такое, чем обыкновенно в подобных вещах пользуются нигилистические писатели. Цель этих недомолвок, разумеется, достигалась. Это секретничанье очень многих женщин заинтриговало. Тут, на этот грех, во время интереса, возбужденного хлопотами эмансипаторов, жена одного из губернских сановников, госпожа Толмачева, прочитала перед публикою «Египетские ночи» и нашла приличным подчеркнуть в своем чтении этого стихотворения слова: «кто здесь меж вами купит ценою жизни ночь мою». Провинциальные нравы несколько оскорбились чтением этих стихов дамою, и один из литераторов обывателей пожаловался на г-жу Толмачеву редакции уже не существующей теперь газеты «Век». Г-н Петр Вейнберг, редактор названного журнала, к чести своего тогдашнего на-

правления, не одобрил странной выходки сановитой дамы и позволил себе посмеяться над выходкой г-жи Толмачевой. Это неодобрение, которое нынче принесло бы г. Вейнбергу похвалу от всякого человека, уважающего благовоспитанность, тогда было названо «безобразным поступком „Века“», и г-н Михайлов оборвал г-на Вейнберга самым энергичным образом. Михайлову поспешило вторить множество других голосов, и все перекликнувшиеся этими голосами в этой самой перекличке почувствовали как бы некоторое сплочение. Они осязали снисхождение на них некоего особого духа, ощутили на челах своих некое помазание, возносившее их над толпою, имеющею общение с женщинами без специальной к этому подготовки, и начали священнодействовать. Усилиями этих людей и создавался специальный женский вопрос, в котором они и зачислили себя специалистами.

Служение женскому вопросу началось воздвижением всеобщей ругани против «Века», и справедливость требует сказать, что эта всеобщая ругань была вполне достойна большой страны, имеющей большую литературу. Ру-

гань эта была не только беспощадна, но и влиятельна. Она навела трепет на весь класс, перед которым братья Курочкины секли г. Вейнберга, и страшно повредила новому журналу. Чести и правоты Вейнберга в этом деле не поддержал никто. За него не заступился ни один журнал из тех, которые нынче, после перемены ветра, так решительно выражались против явлений женского нигилизма, и ни один из писателей, которые ныне так зло осуждают в других давно прошедшую шаткость их принципов и убеждений. Что стало так легко и просто после «Взбаламученного моря» и «Некуда», на то до них не смел повернуться ни один язык. Напротив, литературные слухи пронесли, что даже самые именитые сотоварищи г. Вейнберга по изданию «Век» профессор г. Кавелин и теперешний академик Российской академии наук В. П. Безобразов, оба люди с чинами, с крестами и с положениями, вознегодовали на Вейнберга за его неуважение к женщине, публично читавшей «Египетские ночи», и получили с этих пор совершенное охлаждение к своему журналу. Г-н Вейнберг играл самую жалкую роль

и, как козел очищения, был загнан в неведомые дебри, доколе исправился там и взят нигилистами к делу.

Скандал г-жи Толмачевой получил в рассказанном событии громкую огласку, и с тех пор счастливых пор женский вопрос и поднесь не сходит со сцены. Понято было всеми, что в оправдании чиновницы Толмачевой видна готовность общества оправдать в женщине пренебрежение условиями приличий. Решено было, что, стало быть, женщина может ходить всюду, куда ходит мужчина; говорить все, что говорит мужчина; предлагать сама то, чего у нее до сих пор старались заслуживать, и на эти темы пошли сочиняться статьи, повести и трактаты. Ни по одной части, кроме разве педагогики, не откликнулось столько специалистов, как по женскому вопросу. Как о воспитании детей писали все, не исключая даже г-на Пятковского, так все же почти, опять-таки не исключая Пятковского, взялись писать и о женской воле, — о женской свободе.

Резюмировать все требования, одновременно заявленные специалистами по жен-

ской части, едва ли возможно. Требования эти все одинаково близко граничили с бредом сумасшедшего, с жестокостью варвара и с бесчестием развратителя. Начав оправданием выбора чтения перед публикою, сделанного чиновницею Толмачевою, специалисты по женской части издевались над всем, что составляет так называемую женственность; отвергали типичные черты, присущие женской натуре; смеялись над женской скромностью, над ее стыдливостью; представляли верность ложа запощеванским предрассудком; материнскую заботливость о детях называли узостью взгляда, которому противопоставляли широкий взгляд на сдачу детей попечению общества или на существующую будто бы возможность любить чужих детей, как своих. Они добивались допущения женщин в одни и те же училища с мужчинами, указывали на уместность замещения женщинами многих служебных должностей, нынче занятых мужчинами, — а потом уже впали в круглое бешенство, и в этом бешенстве один из женских эмансипаторов предлагал России женское войско, а другой объявил, что очень глу-

по видеть что-то предосудительное в профессии женщин, торгующих своими прелестями, ибо с настоящей точки зрения проституция, как ремесло, ничуть не хуже многих других ремесел, а некоторых даже и лучше.

Все эти специалисты по женской части подвизались преимущественно в двух больших журналах: в «Современнике», редактированном г. Некрасовым, который впоследствии оказался добрым патриотом и просил генерала Муравьева «виновных не щадить», и в «Русском слове», редактированном г. Благосветловым, который недавно перебил наборщиков своей типографии. За этими двумя большими журналами тянулась целая плеяда маленьких изданий, считавших за честь себе вторить во всем «Современнику» и отставших от г. Некрасова только тогда, когда почтенный поэт попросил покойного Муравьева не щадить злоумышляющих на жизнь императора.

III

Во все время, пока в нигилистических журналах проектировались и защищались бесчинства, которые хотели произвести над русской женщиной ее милые защитники, органы умеренных направлений или молчали о женском вопросе, или чуть-чуть шепотом шептали что-то такое старое-престарое, вроде того, что женщина должна быть подругою и матерью.

«Русский вестник» понял нигилистическую болтовню о женщине и ее правах с первого же раза: он не придал ей никакого значения и не уделил, кажется, ни одной строки на своих страницах. К чести этого оберегающего свою репутацию журнала, он один остался совершенно безучастным к этому пустому вопросу. «Библиотека для чтения» и «Время», переименовавшееся потом в «Эпоху», нашли, что женский вопрос есть, что он в действительности существует и заключает в себе нечто, требующее специального с ним знакомства; но, признавая женский вопрос, они и на него старались взглянуть взглядом уме-

ренных журналов, взглядом, у нас выражающимся так, что «вы, дескать, так, — они так, — а мы посерединке этого». Эти почтенные журналы не отказывались поработать с своих умеренных точек зрения над женским вопросом; но у них не было хороших специалистов по женской части. Мог им подходить один из известных, положим, женских специалистов, г. Карнович; но что же можно было поделаться в умеренном тоне с одним г. Карновичем, имея соперниками в тоне неумеренном гг. Слепцова, Зайцева, Писарева, Антоновича, полковника Лаврова, профессоров Сеченова и Флоринского и нигилиствующего чиновника государственной канцелярии Ю. Жуковского? Г-ну Карновичу тут было не справиться с такой внушительной компанией, и женский вопрос в умеренных журналах очень долгое время оставался совсем без специалистов. Еще бы несколько месяцев такого безлюдья, и вопрос этот, пожалуй, мог бы совершенно умолкнуть, ибо нигилистическим специалистам по женской части становилось решительно не с кем ни разговаривать о женщинах, ни препираться о них. Волею-неволею

приходилось или замолчать, или держать на языке своем одного Виктора Аскоченского — этого *bête noire*[1] русских реформаторов и публицистов; но имя Аскоченского ныне уже не производит впечатления.

Вопрос был совсем при своем последнем конце и до этих пор, конечно, уже давно бы угас, если бы его не поддержали редакторы «Отечественных записок» А. А. Краевский и его покойный сотоварищ Дудышкин. Эти почтенные люди отыскиали в расстроившемся гнезде стрижей «Эпохи» писателя, которому ни подобного, ни равного по уму и по образованности до сих пор во всей русской литературе еще не было. Этот бесценный человек есть критик-философ-физиолог Н. И. Соловьев. Г-н Соловьев написал в разных родах очень много, так много, что едва ли кто-нибудь из начавших свою литературную карьеру одновременно с ним мог написать половину того, что написано г. Соловьевым, и потому об этом плодовитом писателе у всех людей русской литературы сложилось мнение самое определенное и притом совсем одинаковое. Это, положим, удивительно, что все русские

литераторы подумали одинаково о чем-нибудь на свете, но на этот раз так случилось. Г. Соловьев такой писатель, о котором, впрочем, и невозможны сколько-нибудь противоречащие мнения: и постепеновцы, и нигилисты, несмотря на раздирающую их вражду, отдают г-ну Соловьеву вполне заслуженную им справедливость, признавая его совершеннейшею неспособностью и литературным *paletot quai*. [2] И действительно не имеющая пределов куча вздора, напечатанного г. Соловьевым в «Эпохе», «Отечественных записках» и «Всемирном труде», свидетельствует несомненным свидетельством, что писатель этот не имеет ни вкуса, ни образования, ни тени эрудиции, ни даже самой легкой начитанности, но обладает наглостью и легкомыслием, превосходящими и байроновского переводчика г. Минаева, и нигилиствующего чиновника Жуковского, и всё, удивлявшее до сих пор читающую Россию своим развязным нахальством, всё, что, получив дерзость строчить, вламывается в вопросы, о которых, по своему житейскому и научному невежеству, рассуждать не имеет никакого права. Такой сотрудник

ник, как г. Соловьев, не может быть приурочен со смыслом ни к какой литературной работе, что и доказывается его нынешними работами по новому журналу, в котором он в сегодняшние дни спохватился разбирать русские народные былины и песни, не стесняясь давно уже выраженными о них авторитетными мнениями г. Буслаева. Для г. Соловьева закон не писан, и он, с величайшим спокойствием, рассказывает своими словами и цитатами былины и песни, думая, что он их этим объясняет. Он не замечает даже, что называет былинку песнею и песню былиною, точно так, как до сих пор называл повести статьями, а статьи повестями. Он пишет самый несуразный вздор и доволен им.

Но в «Отечественных записках» с ним было не так. Осторожный и многоопытный Улис, стоящий во главе этого издания, обладая неоспоримую прозорливостью, умел с замечательным тактом сэксплуатировать даже г. Соловьева. Г-н Краевский не то, что г-н Хан. Г-ну Краевскому, издававшему на своем веку всяких литераторов, было известно, что есть такие вопросы, на которые, глядя с коммерче-

ской точки зрения, журналу отозваться выгодно, но за которые мало-мальски дальновидный человек не возьмется и выдавать себя специалистом в них не станет. Такие вопросы преимущественно бывают из разряда вопросов бездельных, о которых может говорить всякий, у кого хватит близорукости в них впутаться.

О чем же в нашей литературе можно писать, ничего не зная и не понимая? Так писали о многом, но преимущественно так писали о народе, о воспитании и о женщинах. Признано уже, что у нас в этих вопросах каждый человек специалист и почти каждый невежда — писатель.

Но с народничаньем времен Якушкина и Громеки, в эпоху появления г. Соловьева в «Отечественных записках», уже было покончено. Государь решил, что мужики люди, и дал им человеческие права. Перестали заниматься к этому времени и переливаньями по вопросам о воспитании; но вопрос женский, хотя несколько и заминался уже в то время, все еще мог быть пошевеливаем. Хитроумный Улис «Отечественных записок» встрепе-

нулся, что у него в журнале этим вопросом как будто мало занимались, и, чтобы сделать свой орган повсестороннее, решил учинить г. Соловьева специалистом по женскому вопросу при «Отечественных записках».

Г. Соловьев, будучи, вероятно, человеком доверчивым, не прозрел тогда дальновидности г. Краевского, припускаявшего его к женской специальности с очевидною целью спустить его тотчас же, как специальность эта станет ненужною. Он этого коварства не открыл и взялся быть женским специалистом. В поднятии женского вопроса в «Отечественных записках» г. Соловьев не встретил никаких затруднений, потому что вопрос этот может быть поднят у нас в любую минуту, после любой строки или скандала, и точно так же, в любом фазисе своего развития, может быть опять заброшен и позабыт, нимало тем не возмущая течения русской жизни.

Быв припущен редакторами «Отечественных записок» к женскому вопросу, новый специалист по женской части, как надо полагать, не позаботился обогатить сокровищницу своих знаний никакими особенными све-

дениями по своей новой специальности, а вооружился лишь двумя половинками индийской груши и с ними, как малорослый Давид на Голиафа, пошел против всех женских эмансипаторов. Кроме двух половинок этой груши, которые г. Соловьев вспоминал в своих статьях, сравнивая по-индийски мужа и жену с двумя половинками разрезанной груши, да кроме уверений, что длинноволосая женщина красивее коротко остриженной, у него не было ничего, чем бы он мог разбивать друзей стриженных женщин. Соловьев уговаривал женщин не стричься ярыжками и не пренебрегать семейными обязанностями. В этих словах нового философа, конечно, не было ничего нового: все чувствовали, что это были не более как маменькины и бабушкины советы, против которых, пожалуй, нечего и возражать, но о которых нечего и толковать, потому что всем, кто их не отверг, они очень хорошо известны, а кто не хотел их слушать из живых уст, тот не уверует в них, встретив их в статье, подписанной именем г. Соловьева. Но г. Соловьев все думал, что он все это говорит некие новости и низводит в женский

мир откровения своего целомудренного гения.

Что думал об этих статьях г. Краевский, который, всеконечно, не раз слыхивал в годы юности своей и детства добрые советы любознания и воздержания? — это нам неизвестно; но он статьи г. Соловьева печатал как раз до тех пор, пока г-ну Соловьеву посчастливилось свести специализированный им вопрос к шутовству.

Сначала нигилистующие специалисты по женской части, не стерпев вторжения г. Соловьева в область женского вопроса, начали его терзать, щипать, кусать и выворачивать его нутром вверх, до самой невозможной гадости; наконец бросили. Тогда и г. Краевский почувствовал, что всего этого довольно, и почислив женский вопрос по своему журналу конченным, и самую вакансию специалиста по женской части при «Отечественных записках» упразднил.

Г. Соловьев был убит дважды: Краевский закрыл его кафедру, а беспощадные нигилисты продолжали отравлять его жизнь, но взялись отравлять ее не посредством печати, а

другим адским путем, на который их только ехидные умы и способны. Не довольствуясь тем, что они допекали этого невиннейшего из литераторов всех стран и народов и карикатурами, и статьями, они измыслили отравлять его существование какими-то письмами. Этой безбожной штукой они так доняли г. Соловьева, что он даже, выйдя из терпения, стал уж жаловаться на такое злодейство во «Всемирном труде» г. Хана. Это действительно выходило черт знает что такое! — все хвалят, очень хвалят, даже превозносят его за его статьи; а между тем у г. Соловьева уж и терпения нет обирать из почтальонских рук эти похвалы и превозношения.

Дело, как явствует из сего краткого рассказа, было приведено к крайней степени шутовства, и последнему рыцарю женского вопроса прислан колпак, в получении которого он и расписался во «Всемирном труде». Оставить бы этот вопрос его специальному органу, «Женскому вестнику», и пусть себе он догорит в этой жалкой литературной плошке, зашвеченной передовою статьею г. Слепцова, прославленной потом скандальным разбира-

тельством издательницы этого журнала, г-жи Мессарош, с тем же специалистом по женской части, г. Слепцовым, за забор у нее, г-жи Мессарош, неких деньжонок и долженствующей в самом скором времени погаснуть с чадом, с треском и с дымом, словом, погаснуть, как гаснут все сальные плашки...

Казалось бы, что этим удобно было закончить все шутовство, поднятое в литературе под названием разработки женского вопроса. Мнилось, что после всего бывшего с литератором Соловьевым уже никто не захочет восхищаться у него права на имя последнего могиканина, последнего борца за дело, в котором нет никакого дела, но за которое г. Соловьев пострадал много и от редакторского коварства, и от нигилистического бессердечия, доставившего выгоду одному почтовому ведомству... Так оно как будто и выходило, но, однако, не вышло. Прошло несколько месяцев; г-на Соловьева оставили в покое; он имел время надуматься; от женского вопроса поотстал и облюбовал себе другой жгучий современный вопрос: вопрос о народности и о песнях, и опять думает, что сообщает обществу нечто

новое; а женский вопрос, как золотушный прыщ, опять выскакивает в другом месте.

IV

Профессор Петербургской военно-медицинской академии Сеченов написал в редакцию академической газеты письмо, в котором сообщает, что некая девица Сулова, начавшая изучение медицинских наук вместе со студентами здешней Военно-медицинской академии и впоследствии лишенная возможности кончить здесь курс этих наук и получить медицинскую степень, достигла своей цели в одном из швейцарских университетов. Почтенный профессор заявил это, как факт столь радостный в интересах приобщения женщин к медицинской науке в России, столь же и укоризненный для русского общества, на совести которого должно будто бы лежать недопущение женщин к обучению медицине у нас в России.

Редакция академической газеты напечатала письмо почтенного профессора без всяких к нему прибавлений и объяснений. Соблюдая свой строго-деловой тон, газета академиче-

ская не сочла приличным ни присовокупить с своей стороны благих пожеланий г-же Суловой, без чего, наверное, не обошлась бы газета, обладающая меньшим тактом, и воздержалась от всякого желания усугубить своим словом нравственную кару общества, виновного, по мнению г. Сеченова, в недопущении у нас женщин к обучению вместе с мужчинами. Обличив столь достойное самообладание в этих двух случаях, академическая газета была столь же самообладающею и далее: она даже не сочла своею обязанностью заметить профессору Сеченову его небольшую, но довольно грубую ошибку. Газета не пожелала восстановить факт удаления женщин из среды петербургских военно-медицинских студентов в его истинном свете. Самообладающая газета не сказала, что женщинам вход в Военно-медицинскую академию возбранен не обществом, а правительством и что потому пени, сказанные г. Сеченовым за этих женщин русскому обществу, по существу дела, должны быть адресованы им правительству, которому г. Сеченов служит и с которым, следовательно, гораздо более солидарен, чем вся-

кий частный, общественный человек, выражающий свое независимое и невлиятельное мнение за стриженных женщин или против стриженных женщин.

Мы желаем восстановить этот факт и напомнить г. Сеченову и другим специалистам по женской части столь неуместно забытую ими историю изгнания женщин из петербургского медицинского рая. История эта и недолга, да и не так скучна для тех, кто или не совсем близко с нею знаком, или успел ее позабыть.

Общество ничем неповинно в изгнании женщин, начавших посещать медицинские курсы Военно-медицинской академии. Общество даже никогда не впутывалось в это дело. Правда, что из общественной среды, посредством органов, было выражено несколько мнений о занятиях женщин медициною; но в большинстве этих мнений, конечно, нисколько не влиятельных и вовсе не имеющих для правительства никакого обязательного значения, выразалось одно желание иметь в России женщин-врачей. Лишь только в меньшинстве весьма малом и, конечно, также со-

вершенно не влиятельном, мысль эта представлялась утопиею потому, что у нас еще негде женщинам учиться медицине. Люди, державшиеся этого последнего мнения, говорили, что учащиеся медицине женщины, сидя за медицинскими лекциями вместе с военно-медицинскими студентами, весьма во многих случаях могут стеснять и преподавателя, и слушателей-мужчин, для которых академия основана с специальною целию готовить врачей для армии и флота, и что, наконец, есть опасение, могут ли при столь неудобной обстановке сами женщины успешно заниматься медицинскими науками.

Вот в чем состояло все общественное вмешательство в вопрос об изучении женщинами медицины в одном заведении с военно-медицинскими студентами.

Насколько наши общественные заявления вески и серьезны пред очами власти, — это известно каждому знающему Россию, ее общество и ее порядки, и потому мы каждого такого человека просим самого рассудить, основательно ли в приведенных нами общественных толках видеть повод к изгнанию

женщин из медицинской академии? По весьма многим вопросам, заслуживающим внимания гораздо более, чем этот женский вопрос, — общество думает свою думу, а правительство держит свой путь по своим мыслям. Всякому предоставляется полное право в тиши своего кабинета подвергать все явления жизни и весь порядок дел самой разносторонней критике и иметь о нем свое самое независимое мнение, но мнения эти так и остаются только кабинетными мнениями, не переходя в область действительного. Отрицать это или забывать это у нас начало входит с некоторого времени в моду; но мода эта пущена крепостниками, желающими во что бы то ни стало уменьшить заслугу правительства в освобождении крестьян. Этим благородным людям, считающим себя ныне друзьями доброго режима, такой фортель нужен для того, чтобы уверять, что великий факт освобождения крестьян с землею совершился не усилиями Александра II и лучших людей правительства, а будто бы к сему время доспело, и общество само хотело решить крестьянский вопрос в том духе, в каком он столь славно ре-

шен. При этом обыкновенно забывается или тщательно затушевывается вся крепостничья интрига, искавшая опоры во всех элементах, не исключая даже революционного, и сложившаяся единственно о твердость Государя и лиц, избранных им для решения крепостного вопроса.

Переносясь от этого бесконечно великого вопроса, приведенного здесь для примера, к вопросу о совмещении женщин, желавших учиться медицине, в одну группу со студентами Военно-медицинской академии и университетов, мы будем только справедливы, сказав, что между русскими крепостниками и нигилистами (из среды которых, за исключением гг. Карновича и Соловьева, выходят все наши специалисты по женской части) замечается весьма яркая солидарность в некоторых полемических приемах и даже в стремлениях. Те и другие рукоплещут и злорадствуют выступающим на глаза неурядицам; те и другие готовы якшаться с поляками и другими врагами России; те и другие умышленно путают и затемняют обстоятельства, вызывавшие или сопровождавшие те или другие яв-

ления, и дают всему свои объяснения.

Истина требует сказать, что правительство, оказавшее достохвальную твердость в великом вопросе крестьянском, не изменило своему характеру и в маленьком вопросе о женщинах, желающих учиться медицине. И в этом вопросе правительство не только не изменило своей самостоятельности, но в нем-то именно всего менее оказало угодливости раздававшимся от времени до времени общественным голосам. Женщинам был открыт вход на медицинские лекции вместе со студентами Военно-медицинской академии в то время, когда в обществе было наиболее лиц, сомневавшихся в удобности этой меры, и закрыт был этот вход женщинам тогда, когда сомнения эти сделались совершенно почти не слышны и всем думалось, что женщины твердо уселись на скамьях медицинских студентов. В обоих этих случаях, как в крестьянском деле, так и в деле женщин, которое сюда неудобно бы и приравнивать, правительство поступило совершенно самостоятельно, не ощущая никакого страха перед обществом. Чем правительство руководилось, допуская

женщин на медицинские лекции вместе с мужчинами? — нам до сих пор достоверно неизвестно, хотя, впрочем, мы не обязаны и доискиваться до этого. Вероятно, правительство было движимо сознанием пользы иметь в государстве женщин, знакомых с медициною и способных врачевать хотя бы одни специально женские недуги, открытие которых врачу-мужчине для многих скромных женщин сопряжено с унижением женской стыдливости. Чем же руководились правительственные люди, прямо или косвенно содействовавшие изгнанию женщин из среды студентов, о том есть ходячие слухи, происхождение которых нельзя заподозривать в совершенной неосновательности. По слухам этим известно следующее.

Всем людям, не спавшим последние десять лет сном Ильи Муромца, известно, что с тех пор, как женщины получили доступ на медицинские лекции, в Петербурге произошло несколько политических беспорядков, повлекших за собою весьма строгие следствия. Известно также, что при некоторых из этих следствий было несомненно обнаружено, с

одной стороны, прямое или косвенное участие студенток в стремлениях политически компрометированных лиц, а с другой, — открыто, что нравы этих ученых женщин, во время тесного общения их с людьми науки, получили такое оригинальное развитие, что женская скромность, для охранения которой столь желанны были женщины-врачи, едва ли сочла бы возможным совещаться с теми женщинами-врачами, какие должны были выйти из этих студенток, получивших известность у высшего правительства и даже городской полиции. Истинный вид дела был такой.

Тогда, когда это обнаружилось, правительство по своим собственным соображениям, основанным на результатах формальных следствий (которые, к счастью многих женских лиц, во всей своей подробности не оглашены), нашло нужным закрыть женщинам вход в Военно-медицинскую академию и, не спрашивая на это никакого согласия у общества, вход этот закрыло.

Такая решительная мера правительства, вызванная прикосновенностью одних медицинских студенток к делам, всего менее отно-

сящимся к медицинской науке, и оригинальным отношением других из них к законам общественной нравственности, коснулась огулом всех женщин, учившихся вместе со студентами, и не обошла и тех из них, которые были никаким обвинениям непричастны.

В числе этих безвинно понесших на себе всю строгость вызванной огульной меры была и получившая ныне в Швейцарии медицинскую степень девица Сулова, которая оставалась в академии, если не ошибаемся, долее всех прочих своих сверстниц и умела вести себя умнее других. О ней говорили, что она учится. От нее все ее близко знавшие всегда ожидали прока, и теперь, после сделанного профессором Сеченовым заявления, можно надеяться, что возбуждаемые ею некогда надежды не обмануты. Мы говорим, что они не обмануты, потому что не имеем пока никаких причин думать, чтобы, получив медицинскую степень в заграничном университете, г-жа Сулова не в силах была доказать действительности своих знаний и дома, в России.

Вся эта, по возможности кратко рассказанная нами, история допущения женщин в медицинскую академию и потом изгнания их оттуда за нетерпимое русским правительством поведение, вероятно, ничуть не хуже нас известна почтенному профессору Сеченову, проживающему в Петербурге и состоящему на службе при той самой академии, о которой только что шла наша речь. Сколько бы мы ни заставляли себя думать, что уважаемый профессор, сидя за своими физиологическими работами, давшими ему солидное имя в ряду европейских ученых, мог не знать того, что касается его бывших слушательниц, но мы все-таки никак этого допустить не можем. Один последний факт: та восторженная радость, с которою ученый профессор возвестил России чрез посредство академической газеты о получении медицинской степени девицею Суисловою; та сдержанная сила пеней, произнесенных им обществу, виновному, по его мнению, в создании необходимости нашим женщинам уезжать за изучением меди-

цины в чужие края, — все это очень ясно говорит, как небезучастно относится достойный профессор к вопросу о дозволении женщинам специализировать себя в медицинских науках у себя дома, в России. Имея перед собою только один факт этого заявления и сопровождающих его пеней, мы уже не смеем думать, чтобы внимание ученого профессора было столь сильно поглощено наукою, что все происходившее с лицами столь интересовавшей его среды не доходило до его ведома. Это невозможно! Почтенный профессор, конечно, знает всю историю допущения женщин в Военно-медицинскую академию и изгнания их из этого заведения — по меньшей мере не хуже большинства столичных жителей.

Зачем же этот медицинский ученый так криво толкует это дело? Отчего он не хочет видеть столь известной всем и каждому в Петербурге несоответственности поведения бывших медицинских студенток их учебному и общественному положению? Отчего ему хочется обвинить за них общество, а не их самих? Отчего, наконец, если уж они в его гла-

зах во всем правы, — отчего он не хочет считаться за них с академическим начальством или с военным министерством, а считается с простыми, неофициальными людьми — с обществом?

Что весь сей сон должен обозначать?

Должны ли мы думать (и вправе ли это думать), что ученый профессор, видя совершившиеся факты, не хотел и не хочет признавать их, в противность всякой логике? Или нам следует предположить, что г. Сеченову известны другие факты, до сих пор никому, кроме его и посвященных в тайны академии, неизвестные — факты такие, на основании которых можно сказать, что не правительство, а общество удалило из академии протежируемых почтенным профессором ученых женщин? Или же наконец, и это всего вернее, мы должны все пени г. Сеченова обществу принять, как некоторую политическую ловкость, и объяснить тем, что почтенный профессор по обществу и не метил, а метил в правительство, но что, состоя на правительственной службе и благоразумно оберегая свою служебную карьеру, он нашел почему-нибудь

неудобным простираť свои пени к правительству, а кинул их не столь опасному обвиняемому — обществу? Жаль только одного, что общество в России не столь обидчиво, чтобы потребовать г. Сеченова за взводимую им клевету к ответу перед судом, и даже не столько серьезно, чтобы надолго запомнить, что такая вылазка г. Сеченова против общества весьма дурно рекомендует серьезность самого этого почтенного ученого.

VI

Приняв за неоспоримое, что профессор Сеченов не мог не знать истории водворения и изгнания петербургских студенток из академии, и имея постоянно на памяти отличающие этого профессора дарования и просвещенность, при которых несовместима неспособность рассматривать следствия без связи их с их причиною, мы только и вправе допустить одно, что г. Сеченов попенял обществу, находя неудобным по своему чиновному положению сказать, что он осуждает правительство. Нигилисты большие мастера ладить с начальствами.

При таком изъяснении себе этого тонкого сеченовского приема, мы могли бы и оставить этот вопрос, нимало не усиливаясь оправдывать озлобившие специалистов по женской части действия правительства и некоторые общественные мнения о студентах. У правительства есть свои органы, чтобы в них доказать ничтожество таких обвинений, и есть свое высокое положение, позволяющее такие с ветру взятые фразы пускать по ветру; а общество, как мы уже сказали, было слишком бездеятельно в вопросе о медицинских женщинах. Общество нужно было бы оправдывать разве только против обвинения его в недостатке решимости протестовать против поведения некоторых студенток, о котором оно знало нечто прежде, чем о том сведало правительство. Но нам желательно показать, не имели ли бы основания друзья женщин, желающих учиться медицине, вместо того чтобы приносить обществу и правительству пени, взглянуть на поведение того и другого в этом деле небеспристрастнее? Не основательней ли было бы со стороны этих друзей покороче и погорячее посчитаться с теми

женщинами, которые своим, ни в каком обществе не оправдываемым, поведением вызвали у правительства мысль об удалении женщин из медицинской академии и университетов?

Правительству (каждому, какое бы оно ни было) нет ничего свойственнее, как охранять свой авторитет, блюсти интересы края и оберегать по мере средств общественные нравы; а женщины, давшие повод к упомянутой мере, компрометировали себя против всех этих охраняемых или подлежащих охранению правительства принципов. С людьми, стремящимися к нарушению этих принципов, правительства, как монархические, так и республиканские, в наше просвещенное время расправляются почти везде одинаково: они отнимают у таких людей средства вредить охраняемым началам общественной и государственной жизни — и это самая мягкая мера из всех мер, к каким до сих пор правительства самые толерантные прибегали против своих недоброжелателей. Все другие доселе известные меры против людей, грозящих правительствам или обществам, бывают гораздо стро-

же, но правительства, желающие оберегать себя и общества, себя оберегающие, бывают вынуждаемы не пренебрегать и ими. Следовательно, меру, имевшую свое приложение к делу наших медицинских студенток, даже никак нельзя назвать жестокою. А в то же время совершенно понятно, что и требовать или желать ослабления ее — значило бы то же самое, что желать уничтожения существующего правительства и подчинения общественных нравов кодексу нравственности студенток. Это, в переводе на более точный язык, значит то же самое, что желать, чтобы правительство и общество сами покровительствовали элементам своего собственного разложения.

Правительство наше, к чести своей, с некоторого времени в подобных вопросах действовало с достойною твердостью, которой можно ему пожелать и во всех других вопросах. Оно не давалось на либеральные ловушки, когда ему говорили вздор хотя бы и ученые, но не основательные люди; оно не останавливалось перед разглагольствованием, что упразднение мятежных кляшторов в

Польше и Западном крае равняется гонениям на исповедание римско-католической религии, и нынче не может поверить, что выселение из академических аудиторий не умевших вести себя там с должным достоинством женщин равняется противодействию русским женщинам учиться и наукою добывать себе честный кусок хлеба. Все это вздор, и мы несколько ниже сего надеемся показать, что это вздор. Правительство наше нисколько не смотрит враждебно на женскую науку, нисколько не вооружается против женских прав и не позволяет опередить себя в свободе отношений к этому делу ни одному из просвещеннейших современных правительств, а если кто виноват, что женщинам у нас нынче еще нет возможности учиться медицине и другим высшим наукам, в которых они желали бы себя специализировать, то в этом виноваты наши специалисты по женской части, обратившие хлопоты об образовании женщин себе в недостойную забаву. Правительство же не захотело иметь разврата в заведениях, устроенных для образования, — и оно поступило прекрасно.

VII

Обратимся теперь к обществу и посмотрим, в чем оно может быть обвинено по делу высланных из академии женщин и что оно могло бы сделать в их защиту, если бы пожелало за них заступиться.

Тут нам придется сделать всякие догадки, что бы кто из друзей этих женщин мог обществу порекомендовать сделать.

Догадки эти, мы надеемся, будут для нас не очень трудны и притом довольно верны, потому что мы просто будем выражать в них мысли, высказываемые в частных разговорах некоторыми известными нам специалистами по женской части.

Прежде всего, говорят, общество могло:

1) Заявлять, что женщины-врачи очень нужны. Отвечаем: это тысячекратно заявлялось.

2) Оно могло просить правительство о допущении женщин на медицинские факультеты.

— Всякие просьбы, подписываемые и подаваемые скопом, в России запрещены.

— Чтение многих медицинских наук мужчинам и девушкам в одной аудитории и с одной кафедры обществу, может быть, далеко не без основания, кажутся оскорбительными для нравственного чувства, об ограждении которого всякое общество имеет полное право всячески пещися, и потому, следовательно, обществу действовать против своих убеждений не приходится.

На общество образованное произведено свое впечатление отказом английских медицинских профессоров, которые, будучи мужчинами, застыдились вести некоторые медицинские беседы перед слушательницами женщинами; общество знает, что женщин-профессоров у нас нет; оно знает, что особых медицинских училищ для женщин (кроме родовспомогательных заведений) тоже нет; и ему не довелось слышать, чтобы г. Сеченов, г. Флоринский или кто другой из медицинских профессоров, сочувствующих специализированию женщин в медицинских науках, положили хотя один камень в зачин такого нового заведения, частного, как в Америке.

Ни одного раза еще этой мысли нигде солидным образом не заявлено ни одним специалистом по женской части, и обществу нечего было и поддерживать.

И наконец: находят, что общество холодно и недоверчиво относится к возможности иметь у себя женщин-врачей, а оно должно бы вливаться в эту мысль и не отставать от нее.

Общество положительно желает иметь женщин-врачей и появлению их будет очень радо. К делу этому оно относится не холодно, но недоверчиво единственно потому, что не видит, чтобы что-нибудь в пользу этого дела делалось, а теперь даже не верит, чтобы наши женщины и учились путем. Г-же Сусловой будет принадлежать очень завидный подвиг рассеять это недоверие, и тогда от общества можно будет спрашивать отчета в его чувствах и отношениях.

Остается одно последнее указание: говорят, если общество не хочет само рисковать никакими затратами на устройство особого училища для женщин, то оно должно было протестовать против высылки женщин из

аудиторий, учрежденных для университетских студентов?

Говорящие это, во-первых, забывают, что опротестовывание действий правительства каким-нибудь формальным актом не в порядке нашей современной гражданской жизни. Самое приготовление этого протеста представляется делом столь ответственным и хлопотливым, что осторожный профессор Сеченов не желает даже никаким и дозволенным образом выражать свои пени правительству, которое выслало студенток, и посылает их обществу, которое их не трогало. А во-вторых, обществу не против чего было протестовать, потому что из жалкой среды, к которой примыкали изгоняемые из медицинской академии женщины, постоянно выходили разные гадкие дразги, смущавшие русскую общественную совесть и возбуждавшие к себе одно презрение.

Обществу несравненно легче еще оставаться долгое или короткое время без женщин-врачей, чем остаться раз навсегда без женщин, матерей и подруг, без которых стране нашего строя жить невозможно.

VIII

Но допустим то, что, кажется, должны допустить, допустим, что для г. Сеченова весь вопрос в этом деле состоит в том, чтобы приготовить здесь дома позицию для возвращающейся в Россию швейцарской докторантки Сусловой, чтобы расположить в ее пользу общественное мнение и застращать угрозой стыда тех, которые способны подыскиваться под г-жу Сулову и вредить ей.

Опасение такое весьма понятно, и весьма понятно также и то, что г. Сеченов заботится о заблаговременном устранении с дороги г-жи Сусловой всех зол и напастей. По крайней мере, мы никогда не позволили бы себе упрекать г. Сеченова за эту опасливость даже такими воздержанными упреками, какими нигилистические газеты упрекают г. Каткова за его опасения за Россию. Что тут удивительного! Кому что дорого, тот за то и опасается, и понятно как нельзя более, что бывший русский профессор Катков видит везде большие опасности для России, а нынешний русский профессор Сеченов — для г-жи Сусловой.

Suum quique.[3]

Опасности для г-жи Сусловой и действительно возможны, и возможны с двух сторон.

Во-первых, при известной доле недоверия, столь свойственного русскому человеку, создавшегося при условиях нашей современной жизни, естественно опасаться: не встретит ли г-жа Сулова по возвращении домой препятствий держать здесь установленный медицинский экзамен? Потом встает другое сомнение: выдержит ли она этот экзамен и будет ли ей разрешена на общих основаниях врачебная практика и открыта дорога к соисканию со временем одной из медицинских кафедр? С другой же стороны, можно, может быть, опасаться, что общество, напуганное нравами академических и неакадемических нигилистов, столь своеобразно демонстрировавших в течение долгого времени обществу и женское право, и женскую науку, — за эти старые грехи нигилистов отнесется к доктору медицины г-же Сусловой не с тем вниманием, которого заслуживает первая русская докторантка.

Все эти опасения возможны как нельзя бо-

лее для почтенного профессора, всеконечно, понимающего свет и значение известных впечатлений на умы гораздо лучше, чем понимают их нигилисты газеты военного министерства и нигилисты академической газеты, но и тогда, если принять за несомненное, что пени, выраженные г. Сеченовым, имеют единственную целию заговорить опасности, угрожающие г-же Суловой, то и тогда в этих его обращениях к обществу нельзя не видеть по меньшей мере некоторой неловкости.

Швейцарской докторантке Суловой еще довольно далеко до прямых столкновений с русским обществом по ее медицинской специальности. Ей прежде всего еще надо уладиться с правительством.

Докторантка Сулова, получившая медицинскую степень не в России, а за границую, в настоящее время нуждается прежде всего в признании ее знаний и прав в России. Она, на общем основании для иностранных врачей, желающих практиковать в России, должна обратиться в один из медицинских факультетов или в медицинскую академию с просьбою о допущении ее к лекарскому или докторско-

му экзамену. Если ей в этом не будет отказано за ее пол (что было бы первым, действительным шагом противодействия образованию женщин в России), тогда г-жа Сулова должна удовлетворить всем требованиям этого экзамена и получить установленный диплом. Люди, знакомые с бесконечно нетребовательностью некоторых заграничных университетов, могут быть не совсем уверены, что экзамен этот г-же Суловой непременно удастся. Примеры — сотни венских докторов, не выдержавших во время Крымской войны даже лекарских экзаменов в русских университетах, оправдывают такое недоверие; но оно будет уничтожено тотчас же, как г-жа Сулова получит русский медицинский диплом. И вот тогда только, когда г-жа Сулова выйдет из университета или из академии с полным правом врача в России и прибудет на дверях своей квартиры дощечку с надписью: «Доктор медицины Надежда Сулова», — тогда лишь настанет время судить, как принимает ее общество. Ныне же пока все дело в том, чтобы наше ученое начальство сочло себя вправе и в обязанности экзаменовывать ее и в случае удо-

влетворительности ее испытания дать ей диплом, а другие начальства не нашли оснований смотреть на ее медицинскую профессию взглядом сколько-нибудь исключительным, а предоставили бы ей все права и всю ту свободу действий, какою в империи пользуется каждый врач. Весь же дальнейший успех и ученой, и практической медицинской карьеры г-жи Суловой будет зависеть от нее самой, от ее способностей, знаний, трудов и умения создать себе достойное положение. Противодействия со стороны общества практическим занятиям женщины-врача мы себе и представить не можем. Напротив, мы готовы утверждать, что если г-жа Сулова обладает качествами, требуемыми от практического врача самой средней руки, и не пренебрежет скромностью, требуемою и факультетским обещанием, и обычаем от всякого врача, которому *volens nolens*[4] открываются многие семейные тайны, и соблюдет вокруг себя весь декорум, окружающий порядочного человека, не бросающего обществу своей грязной перчатки, которую никто и поднимать не захочет, да проникнется простым убеждением,

что не общество существует для нее, а она пришла служить обществу, — то за г-жу Суслову перед обществом и хлопотать нечего: успех ее в нем почти несомненен. У нее должна быть и, вероятно, будет бездна женской практики; а что касается ее прав на кафедру, то об этом речь впереди. Короче сказать, г-же Сусловой, имя которой в женском вопросе получает огласку, столь почтенную и столь мало имеющую общего с оглаской, которую получило имя чиновницы Толмачевой, предстоит подвиг истинно честный и достойный всех усилий не погубить его: ей предстоит собственно своею личностью и своею жизнью доказать, что предубеждения против допущения женщин к медицинской профессии разумных оснований не имеет.

Г-жа Сулова уже награждена сочувствием всех стоящих внимания людей, уважающих в женщине, как и в мужчине, волю и характер, заявленные непреклонностию г-жи Сусловой в достижении своих нелегких и честных целей; пусть же это сочувствие ее подкрепляет на всякую дальнейшую честную борьбу; но пусть она не глядится, как Нар-

цисс, в честное прошедшее своей труженической жизни, а думает о средствах служить человечеству, не оскорбляя его чувств и его не вредящих никаким знаниям преданий. Предстоящая ей часть жизненного подвига гораздо важнее той, которая уже совершена ею.

Бог же ей в помощь и все добрые люди.

Но посмотрим теперь, какое же важное значение имеет письмо г. Сеченова для наших специалистов по женской части? Как они поняли, что им теперь делать, когда занимающий их женский вопрос с торжеством г-жи Суловой вступает в новую фазу?

IX

Не успел г. Сеченов сказать свою новость о г-же Сусловой и попенять обществу за неблагоразумный взгляд на женщин, как охотники толковать о женском вопросе не замедлили подхватить его слова и в газетах снова поднялись и шум, и гам, и стон с трескотнею фраз по женскому вопросу.

Проворнее всех схватился скакать за почтенным профессором нигилист академической газеты. (Известно, что академическая газета постоянно содержит несколько нигилистов для писания фельетонов, которые, по мнению почтенной редакции, вероятно, должны быть писаны никем другим, как нигилистами.) Нигилист академической газеты съездил на бывшие недавно в Царском Селе конские скачки и, насмотревшись там на кобылиц и на жеребцов, на возвратном пути расфилософствовался о женском вопросе, что и весьма понятно, так как он перед этим только что видел, что и кобылицы скачут, и жеребцы скачут, — стало быть, к женскому вопросу, по системе фельетонистов, переход

очень благовидный. И вот, надумавшись об этом вволю, нигилист академической газеты, придя в редакцию, написал, что не худо бы людям поучиться воспитанию детей у скотов, — ибо у скотов воспитание детей приспособлено так, что и самцы, и самочки получают равномерные способности к добыванию себе пищи, тогда как люди в своих разнополых детях развивают приобретательные способности неравномерно: мужчина, при одинаковых усилиях и трудах с женщиною, зарабатывает более женщины. Такой ужасный беспорядок в человеческом обществе фельетонный философ академической газеты поставил в укоризну нашему русскому обществу, то есть тому же обществу, к которому обращены пени профессора Сеченова, и напечатал эти укоризны в той же академической газете, в которой напечатано язвительное письмо г. Сеченова.

За философом академической газеты не замедлили откликнуться и другие нигилистические специалисты по женской части, и все они снова готовы докучать людям своею болтовнею, начинающеюся вопросом: женщины

люди ли? и кончающеюся советом брать уроки детского воспитания у животных. Теперь для того, чтобы шутовской вопрос этот опять расплылся в такой же бездне празднословия, в какой он плавал назад тому несколько месяцев, недостает только маленького случая, чтобы какая-нибудь газетка, трактующая об этом предмете с нигилистической точки зрения, попала на глаза Н. И. Соловьеву — специалисту по женской части с эстетической точки зрения. Тогда беда! Г. Соловьев теперь ходит холосто: он недавно только что благополучно разрешился разом тремя статьями, проливающими новый свет на русский эпос, и ныне слушает, как их хвалят. Очень хвалят! Чуткое и вдобавок давно избалованное похвалами ухо этого писателя слышит их везде — в воздухе, в невидимых мирах и в безднах, из которых он исторгает женщин, неосторожно ступивших с супружеского ложа. Теперь, когда все видимые и от творения мира помышляемые заняты тем, что «хвалят, очень хвалят и превозносят» писания г. Соловьева, он, взманенный жаждою славы и похвал, всеконечно, ищет новых подвигов, достойных все-

общего восторга. Увидя малейшее нестроение в вопросе, столь близком и столь специально знакомом г. Соловьеву, как вопрос о женщинах, — он не промолчит, и редактор Хан тогда пропал, как швед под Полтавой. Но дело может не кончиться и г. Ханом: оно может иметь и другие смутные последствия. Тем же самым ударом, который доктор Соловьев даст доктору Хану, будет нанесен им еще один новый и, всеконечно, самый тяжкий удар женскому вопросу, который уже и без того лежит весь в синяках и в гноящихся ранах и, всеми презрительно обемаемый, не чаает более никакой помощи, а только ждет своего сострадательного самарянина, который бы убрал его с проезжей дороги.

Опять начнутся плодотворные препирательства о том, какая женщина лучше: скромная или нигилистничающая, неряха или опрятная, стриженная или длинноволосая? Опять эстетик Соловьев скинется боной и будет стоять за скромных, опрятных и длинноволосых, а нигилисты — за стриженных и беспардонных нерях. Опять нигилисты пойдут опираться на физиологию, в которой боль-

шинство их всего только и знает, что одно имя профессора Сеченова, а г. Соловьев — на индийскую грушу; опять нигилисты зарядят, что женщина круглым счетом всегда свободна располагать как угодно своим телом и пренебрегать репутацией; а г. Соловьев будет сплетать из своих статей «пояс целомудрия». Опять нигилисты скажут, что мужчина есть сам по себе и должен трудиться, а женщина есть сама по себе и тоже должна трудиться; а Н. И. Соловьев возразит, что этот вздор, что мужчине нет особенной части быть самому по себе, а что хорошего мужчину не унижает даже то, если он подаст на своих руках жене ребенка... Опять... но уж перечислять ли далее, что будет говориться опять этими враждующими друг с другом специалистами по женской части! Все это утомительное *idem per idem*, [5] все это пошлейшая, докучная басня: жили-были Кутыль да Журавль, накосили они себе стожок сенца, поставили посередь поляца: не сказать ли вам опять с конца?

Тупеет ум и меркнет соображение, когда пожелаешь добиться: для кого и для чего все это пишется? Стоит ли с этими людьми гово-

ритель, как говорят с дельными людьми, ищущими истины? Стоит ли, например, одним из них доказывать, что в женском типе, который может выработаться по идеалу нигилистических специалистов по женской части, не будет ничего отличительного от типа грубой крестьянской бабы, которой стоит только надеть мужнин тулуп, чтобы ее совсем не по чем стало отличить от безбородого мужика, но которая также не сможет конкурировать в заработке с своим столь же, как она, развитым братом или мужем? Стоит ли доказывать другим, что по идеалу Соловьева не может быть создано совсем никакого типа или, с великими натяжками и предугадываниями великих мыслей этого автора, может быть создан тип резонирующих дур, для которых может быть вопросом и то: унизит или не унизит себя муж, если он подаст свое дитя на своих руках своей жене?

И эти-то ничтожнейшие писания у нас, россияне, считаются в некотором смысле монографиями женского вопроса! И они-то составляют его литературу!

Смех и бесчестие трудам этих людей и

нелепому времени, породившему возможность опубликования таких трудов в литературе: это вся награда, которой вправе ожидать себе от общества многоречивые специалисты по женской части. Им, этим празднословам, приходится теперь очень круто. Мы говорим в эту минуту об одних нигилистических специалистах по женской части и не касаемся г. Соловьева. С г. Соловьева нечего спрашивать, он, как говорится, «пришел Емеля, помолол, да и прочь пошел», но тем... Тем нет более никакого спасения ни в каких статьях, ни в каких фразах. Их положение столь плачевно, что они даже лишены возможности объясняться, и если у них есть малейшая способность понимать положения, то они непременно должны это видеть. С одной стороны, так называемый женский вопрос стал *bête noire* для всякого журнала, и читатель бежит от страниц, трактующих об этом вопросе, как от чумы. Этот удар специалисты нанесли себе сами, своим многоречием по женскому вопросу. Другой же, еще более сильный удар по рукам, которые захотят баловаться женским вопросом, дан нынче со всею строго-

стью г-жою Суисловою, которая, добившись специализирования себя в медицине, доказала, что женщины, желающие себя специализировать, нуждаются ныне уже не в словах, а в деловой помощи осуществлению их стремлений.

Кто же прежде всех должен оказать им эту помощь?

Очевидно, специалисты по женской части, так много сочувствующие этому на словах. Они должны начинать это дело.

Но могут ли они своими собственными силами класть почин специализированью женщин в науках, без поддержки на первых порах со стороны общества или со стороны правительства?

Ни на минуту нельзя затрудниться отвечать, что могут.

Во второй статье нашей, которую мы окончим разбор деятельности наших специалистов по женской части, мы назовем одного человека; мы назовем даже двух человек, живущих здесь же, в этом же самом Петербурге, при том самом обществе и при том самом правительстве, которые якобы стоят на каж-

дом шагу впоперек дороги присяжным специалистам по женской части, и деятельностью этих двух человек в пользу женщин докажем, что все эти препятствия и затруднения ничтожны для того, кто хочет делать свое дело. Мы назовем двух человек, которые никогда не добивались случая подрапироваться специализмом по женской части, которые не трубили перед собою в трубы, а сделали для желающих трудиться женщин, может быть, более всех известных русских специалистов по женской части (исключая читавшего как-то женщинам какие-то заманчивые специальные лекции литератора Слепцова. Этот человек подготовил слушавших его нигилистических женщин к пониманию, что есть мужчины, стоящие по степени своей рассудительности неизмеримо ниже самой простой бабы).

Мы в немногих словах расскажем все, что, с отличающею честные дела скромностию, сделано теми двумя людьми, о которых мы вспоминаем; а теперь заключим нынешнюю свою статью тем, что все труды наших специалистов по женской части не принесли рус-

ской женщине никакой пользы. Но вред — принесли! Они заездили этот вопрос так, что теперь надо Бог знает какой ловкости, чтобы склонить читателя развернуть страницу, на которой он ожидает встретиться с разговором о женском деле.

Окончим этим и еще раз подивимся всей тупости и всей наглости этих борцов за женщину, не ограничивавших своих хлопот одним специализированьем женщин, но хлопочущих об их умах, об их правах и нравах.

У нас в России, где женщины и по обычаям страны, и по складу нашей жизни свободнее всех женщин западной Европы, у нас, где женщина и перед очами закона равноправна с мужчиною более, чем женщина любого другого европейского государства, — никогда не было осязаемо совершенного недостатка в женщинах, отличавшихся и умом, и истинными добродетелями, составляющими украшение человека. Наша верующая и хранящая предания страна не оскудевала никогда серьезными женщинами и, благодаря здравому смыслу русского народа, оберегающего святыню семьи, не оскудела от них и ныне. Женщи-

ны, вдохновлявшие наших лучших поэтов, внушали им не романтических Лолот и не придурковатых героинь позднейших писателей, вроде гг. Авенариуса или Слепцова, женщины которых все жмутся к естеству да к червивому философствованию. Нет! — напротив! Одному из наших поэтов внушен его вдохновением тип женщины, «с которой никто не придет зубоскалить: которая в беде не сробеет, спасет, коня на скаку остановит, — в горящую избу войдет»; другой, бессмертный, доколе звучит русское слово, написал Татьяну — этот светлый облик женщины, которую человек, полный огня и страстей, не склонял к разговорам о совместном ложе, до чего так легко и так просто доходят с нынешними философствующими резонерками, а видел блаженство в одном постижении ее совершенств:

*Внимать вам долго, понимать
Душой все ваши совершенства...*

Вот чего умеет заставить искать у себя наша хорошая, наша умная женщина! Медовые речи страсти не доводят ее до способности

пасть или до неспособности остановить потоки неуместных слов. Она не страдает ненаходчивостью, потому что она знает, что она делает, и отвечает:

*Что колкость вашей брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было власти,
Я предпочла б преступной страсти.*

И их ли, этих ли женщин сильны растлить Жуковские и Слепцовы, и их ли могут поучить Соловьевы!

Как американцы, удрученные междоусобною войною, посылали «проклятие гусю, давшему перо, которым Линкольн подписал освобождение негров», так и мы можем только послать наше проклятие перьям, которые царапали статьи в защиту от Слепцовых и Жуковских. Эти оправдательные статьи оскорбляют наших женщин более, чем те статьи и повести, где наша типическая женщина рисуется с посетительниц игорных клубов и содержанок, одним словом, с той женщины, которая слушает все, рвется всюду, готова попробовать всего и в отличие от стыдливой

мимозы получила себе название «стервозы».

Нам ли падать духом оттого, что мы видим горсть женщин, готовых «на содержание», когда перед нами хоть бы только те два могучие типа, которые мы взяли у наших поэтов, — два типа: один твердый, как выносящая все непогоды бронза, другой нежный, но крепкий, как мрамор, от которого светлые рефлексy падают одинаково на мураву и на мусор, не отнимая свежести у муравы и не пачкаясь изменной перстью, ибо вся эта персть ниже лучезарного света души, произнесшей: я буду верна тому, в чем я поставлена.

Х

Не одною только необразованностью, но великими семейными несчастиями и всеугнетающею сухостью сердец да долгим дурным сообществом можем мы объяснить себе ту непомерную наглость, с которою литературные люди последнего времени начали рассуждать о русской женщине, представляя ее игрушкою судеб. Кто и необразован вовсе, в ком и вовсе нет ни малейшего знакомства с лучшими типами нашей поэзии, но у кого детство прошло в доброй семье, хранившей теплые верования, в семье, имевшей свои родовые предания и сохраняющей незыблемо достойные сохранения образы живых или усопших лиц, которые с первых дней приводятся отцом и матерью и бабкой в урок и в назидание возрастающему ребенку, тот ужаснулся бы первой мысли быть автором большинства написанных о женщинах статей и не нашел бы в себе силы проговорить свои статьи перед строгим ликом серьезной женщины, с которой во весь ее век «никто не приходил зубоскалить». Мы не можем себе

представить существо жалче любого из наших специалистов по женской части, излагающего перед такою женщиною свой совет, чтобы люди поучились у скотов воспитанию своих детей. Представляя себе эту картину, мы каждый раз видим сами святое женское лицо с безгрешными кроткими очами и слышим спокойный, ни в каком случае ни на волос не поднимающийся голос, который на этот раз скромно советует присутствующим при этом разговоре невинным детям уйти от безумных речей в детскую комнату.

Ясно как день, что великое большинство специалистов, писавших о женском вопросе (если не все они), не знают никакой жизни и или никогда не видали хорошей русской женщины, или, и видя ее, не умели ее узнать и отметить. Ясно, что они любовались только теми словесницами, которые, не исполняя ни одной своей обязанности с должною серьезностью, любят рассуждения, которым, как Его же царствию, нет никакого конца. От этих только пустых и серьезными людьми презираемых женщин наши специалисты дерзостно шли к определению общего типа русской

женщины! Глядя на это мятущееся ничтожество, для которого на земле нет места, потому что оно его занять не умеет при обыкновенном положении, а требует революционного протектората, они создали женский вопрос так же искусственно, как создали «Женский вестник». Нет никакого проступка утверждать ныне, что весь этот вопрос и все эти хлопоты гораздо менее обязаны своим происхождением заботливости об участи женщин, чем жажде приобретения себе хотя на один день памятного имени, дешевой ласки и ничего не стоящих похвал тех ничего не стоящих женщин, которые в болтовне и ломанье людей, признающих женский вопрос, видели апостолическое служение, — тех женщин для которых, по их собственной бессодержательности, способность говорить заменяет ум; женщин, которые принимают за признак развития скудность натуры, не способной ни глубоко любить, ни страстно ревновать, ни ненавидеть, и которые ищут свободы до свободы не подчиняться ни сердцу, ни разуму, и в этой оргии беспутства не замечают, что в существе дела — для них кто палку взял, тот и

капрал. Да, специалисты по женской части знали только этих женщин и других никогда не знали, и за это невнимание к жизни они будут сугубо наказаны. Ныне час их пробил: им остается или быть активными в созданном ими женском вопросе или, смирив своей гордыни рог, покаяться перед женщинами, надежды которых они так нагло возбуждали, и сказать во всеуслышанье: «Мы немощны — простите, сестры, нашему безумию!»

Но великое раскаяние есть способность душ великих, и потому мы можем его не ждать от разряда людей, из которых вышли наши женские специалисты.

Они спокойно будут встречать презрение, которое очень в скором времени будет им оказано не теми женщинами, которых они отвергали, как безнадежных, а теми именно, которых провозглашали своими. Лучшим женщинам — женщинам чувства и долга — нет дела до нигилистических хлопот о женском вопросе, как нет им дела до поучений г. Соловьева. Они идут своею дорогою, не обращая внимания ни на одного из пустых хлопотунов о женской доле, им некогда входить в

духовное общение с этими хлопотунами, да и притом хорошие русские женщины обыкновенно считают себя свободными. Они не могут освободиться только от того, от чего не хотят освобождаться, ибо знают, что на свете есть такая вещь, которая называется «постылою свободой», — свобода, с которою живому человеку весь свет тюрма.

Но женщины, взманенные специалистами к соисканию себе видимой независимости, не могут отпустить своих специалистов без того, чтобы не потребовать от них дел, способствующих тому положению женщин, какое они им обещали: и эти женщины будут совершенно правы. Специалисты по женской части должны делом доказать искренность своего сочувствия женскому вопросу в пределах всей возможности служить специализированью женщин во что бы то ни стало — даже хотя бы обучаясь этому, по совету русской академической газеты, у скотов. Но когда окажется, что за уроками этими ловче обращаться к людям и что на свете есть люди, давно уже помогающие доле женской, то не сказали ли бы женщины, покровительствуемые спе-

циалистами по женской части: «скройтесь с глаз наших, наши друзья, и мы справимся с нашими врагами!»

В следующей нашей статье, которую мы закончим нашу речь о специалистах по женской части, мы постараемся указать, чего женщины-специалистки вправе теперь от них требовать, и представим по возможности наглядную картину того, что могло бы произойти, если бы возможна была какая-нибудь удача в нигилистических затеях женских эмансипаторов, стремящихся к улучшению женской доли не путем общего развития человечества, а протекциею. Мы порассмотрим, не поведет ли эта протекция к некоторым опасениям, ввиду которых будет предусмотрительно теперь же готовить специалистов для мужского вопроса. Основания для таких предположений есть, если мы примем в расчет, что очень многие мужчины с чрезвычайною быстротою теряют свой мужской тип в такой сильной степени, что в них нельзя уже и подозревать способностей быть опорой и руководителем семьи. Одни сетуют на развивающуюся пустоту своих жен и сами берут

их в игорные клубы; другие ужасаются бесстыдству нигилисток и сами, находясь в высоких чинах, выпускают своих жен читать «Египетские ночи»; третьи не скажут слова в защиту Петра Вейнберга, когда тот попытался остановить развивавшееся тогда нигилистничанье женщин, а теперь пришли бы в негодование, если бы им сказать шутя, что г. Вейнберг ныне сам нисколько не враг нигилистам. Женщины взглянули бы на все это гораздо более по-мужски и не отличали бы по всяк час такой жалкой бестактности. Специалисты же по женской части так обабились и достигли такой степени отщепенства от мужского типа, что даже усвоили себе способ рассуждать и писать — не скажем по-женски, а просто, что у людей называется, по-бабьи.

Вторая и последняя статья в следующей книжке.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Мы закончили нашу первую статью о специалистах по женской части обещанием разъяснить, чего могут требовать от этих специалистов женщины, оболыщенные их соболезованием о женской доле. При этом также выразили опасение, что если большие протекции, требуемые некоторыми мыслителями в пользу женщин, будут удовлетворены, то в недалеком будущем появится мужской вопрос. Мы говорили, что такое несчастье может постигнуть русских мужчин тем легче, что многие из них и теперь уже «так обабились, и достигли такой степени отщепенства от мужского типа, что даже усвоили себе способ рассуждать и писать — не скажем по-женски, а просто, что у людей называется по-бабьи».

Случайные обстоятельства, воспрепятствовавшие нам напечатать вторую статью о специалистах по женской части тотчас за первой, дали нам средства убедиться, что мы ни-

мало не ошиблись в своих опасениях за понятливость мужчин, оспециализировавшихся в женском вопросе. Первая статья «Специалисты по женской части» не прошла незамеченною и вызвала против себя довольно много злобных замечаний. Замечания эти появились в газетах, издающихся под редакциями мужчин, и одновременно с тем в редакцию «Литературной библиотеки» прислано несколько писем от недовольных этою статьею женщин. Сравнивая мужские статьи и женские письма, в которых обсуждалась наша статья, мы имели случай убедиться, что степень умственного развития, логики суждений, способность понимания, симпатии и умение относиться к делу — у авторов мужских замечаний и авторов женских писем совершенно одинаковы. Везде и мужчинами, и женщинами повторялось одно и то же: что мы отрицаем вопрос, который существует, и что мы обидели женщин недостатком уважения к ним до такой степени, что даже употребили по отношению к ним слово «стервоза».

Чтобы так понять нашу статью и такие сделать из нее выводы действительно нужно

отучиться думать и понимать по-человечески и взамен того усвоить себе способность рассуждать, как мы позволили себе выразиться, «не по-женски, а просто по-бабьи».

Мы не хотим сказать ничего враждебного женщинам, и не нас упрекать в недостатке прямого уважения к ним; но мы находим, что специального женского вопроса нет у нас и что его в Европе нигде быть не может. По нашему мнению, все вопросы, касающиеся устройства и неустройства общества или семьи, суть вопросы общечеловеческие. Надо быть истинным специалистом по женской части, т. е. человеком, в действительности не умевшим специализировать себя ни в чем, чтобы не помнить, как тесно связаны взаимные интересы мужчины и женщины, и создавать между ними два независимых вопроса. Нужно не знать самой простой вещи, что для отца и для матери семейства одинаково дороги дети как того, так и другого пола, чтобы пришпоривать родителей к исключительным заботам о девочках. Надо просто быть нервной, раздражительной женщиной, говорящей в пылу раздражения бессмысленные

вещи, чтобы хлопотать о какой-то эмансипации, к которой у людей, любящих друг друга, нет и не может быть никакого стремления, ибо такие люди прежде всего друг друга не угнетают, а носят тяготы друг друга по собственному желанию и не захотят сбрасывать этой тяготы, и не предпочтут ей тягостнейшее из всех бремен жизни — свободу, названную Онегиным «постылою свободой». Для тех же, для которых иго любви не благо и время переносения малейшей тяготы обязательств несносно, широкий свет всегда открывал свои широкие объятия с перспективою одинокой госпитальной или негоспитальной койки, на которой догорит одинокая жизнь.

Есть люди — и не мало их — которые думают или только говорят, что под разными подразделениями женского вопроса дело идет все о женщинах, несчастливых в браке. «Кто смеет, говорят они, отвергать, что такие женщины есть и что о деле их стоит позаботиться?» Совершенно справедливо, что у нас очень много несчастливых пар и что в этих парах очень много несчастливых женщин; но мы все-таки не видим, почему же здесь есть

основание хлопотать об одних женщинах и видеть один женский вопрос? Кто решится утверждать, что в большинстве несчастливых союзов женщины страдают более, чем страдают мужчины? Где для этого статистика в России? Какие наблюдения это показали? Возьмите современную нам драму, повесть, роман, — где мы видим в них это страшное угнетающее влияние современного мужчины над современной женщиной, если она не хочет сносить угнетения? Возьмите самую жизнь семейную, жизнь свою и жизнь тех людей, которых каждый из нас знает, и мы найдем не больше случаев преобладания мужчины над женщиною, чем мелкой тирании женщины над любящим и дорожающим своею любовью мужчиной. Мы видим повсюду, что если у хорошей женщины много средств удержать за собою равенство своего положения с мужчиной, то у дурной находят-ся даже средства тиранствовать над ним, и одним из могущественнейших средств к этому тиранству над мягким человеком в руках нечестной женщины является скандал — огласка своей дурной жизни. К этому послед-

нему средству, как мы видим из романов, драм и повестей, равно как и из собственных наблюдений, нельзя сказать, чтобы женщины нашего поколения не склонны были прибегать, точно так же, как нельзя сказать — чтобы мужчины этого не боялись и не употребляли усилий всего этого избежать, ценою часто неоправдываемых уступок. Мы видим сплошь и рядом, что мужчина, угрожаемый скандалом со стороны своей подруги, облачается всею женской стыдливостью и сдается на капитуляцию, лишь бы семейный сор его не вылетел на улицу. Страх быть осмеянным, боязнь за участь детей и за совершенную гибель семьи заставляют мужчину смиряться до невероятнейших и часто ничем не оправдываемых уступок перед самою легкомысленною женщиной. И в таких случаях он, а не она несет крест семейный, и он кутает свое горе в то время, когда она усиливается вскрыть на общее позорище свое легкомысленное раздражение.

Если вы знаете жизнь и людей, вы должны согласиться, что все это, к сожалению, бывает; но бывает, конечно, и иначе, то есть быва-

ет, что женщины пьют в семье горчайшую чашу от мужей своих. Но что же из этого следует? Следует из этого, по нашему разумению, одно то, что всю угнетающую тягость семейной распри живет и больше чувствует тот из супругов, кто лучше сердцем, и кто более горячо любит свою семью и более живо ощущает скорбь о ее настроении. Одним словом, страдает более и более достоин сожаления лучший из двух супругов, все равно, будет ли это мужчина или женщина, и потому женского вопроса здесь нет, а есть общий вопрос, вопрос брачный, или еще сложнее — вопрос несчастливой привязанности, не поддающейся ни под какие регламенты, правила и законы и предпочитающей слезы страдания пустоте разлуки. Это вопрос сердца, а не наших рассуждений. Кто искреннее и жарче жалуется у нас на неразрешимость брака: мужчина или женщина? Опять-таки нельзя сказать мужчина, и нельзя сказать женщина, а тот, кто ищет положения признанного, непостыдного и неупрекаемого, кто хочет быть подружьем своей пары, неся на себе все обязанности этого союза не только нравственного, но

и гражданского, и кто болит за участь детей, оставляемых с именем незаконнорожденно-го. Худшему члену разбитой пары сепаратная свобода открывает множество способов утешения; и для многих, как мужчин, так и женщин, чем эти способы безответственнее и разнообразнее, тем лучше. Разврат, предпочитаемый любви в самом принципе, в наше мудреное время не составляет печальной привилегии одних мужских вкусов. К стыду, к несчастью и к укору нашему поколению должно сказать, что есть не только изрядное, но, может быть, огромное и, может быть, страшно огромное число женщин, сокровенные мнения которых об этом предмете лучше оставить навсегда под завесою, накидываемою на них светским лицемерием.

Итак, если тягости несчастливого брака одинаково ужасны для лучшего из супругов, без различия пола, то есть ли в этом случае повод к протесту против неразрешимого брака во имя одних женских интересов?

Женщины любят утверждать, что есть, и именно вот такой: говорят, что мужчина менее теряет в браке, чем женщина, и что муж-

чине, несчастливому в браке, более средств найти для себя утешение в другой любви.

Эти рассуждения принадлежат к рассуждениям из рода тех, которые мы позволили себе называть бабьими — то есть эгоистическими, вздутыми и слепыми.

Теряют в несчастливом браке мужчина и женщина одно и то же: они, при существовании неразрешимого брака, теряют возможность более желанного, более счастливого союза; но вообще в браке женщина теряет менее, чем мужчина: выходя замуж, она делает даже приобретение. Если мы не будем брать в соображение браков, совершаемых в интересах фамильных связей, или браков по состоянию, а возьмем сорт людей, живущих в преданиях божьей семьи, благословленной «в поте лица есть хлеб свой», то мы прежде всего видим только, что женщина, выходя замуж, приобретает себе в муже работника, который будет трудиться для нее как друг, а не как наемник. В чем тут женская потеря в замужестве — мы не видим и думаем, что ни одна ясно понимающая жизнь женщина и не найдет этой потери, и не предпочтет ей мимолетную

связь, которая, по самому характеру ее мимолетности, не возлагает на мужчину никаких, ни гражданских, ни нравственных, обязательств. Это понимали даже нигилистки, не возгнушавшиеся заключать свою карьеру вступлением в церковный, неразрешимый брак, отвергаемый этими свободомыслящими женщинами в принципе. А что касается второго положения, т. е. что будто бы несчастливому в браке мужчине доступнее другая любовь, которая его может осчастливить, — то самую мысль эту может продиктовать один лишь грубейший эгоизм и непонимание самых простых требований чувства, называемого любовью. Мысль эта может казаться верною в первой своей части только тому, кто под любовью мужчины понимает возможность обладания не принадлежащей ему женщиною, а во второй — тому, кто не знает, что в силу прямых свойств чувства, называемого любовью, человек любящий не может быть счастлив, видя любимую им женщину в положении двусмысленном и щекотливом.

Если же пускаться в анализ всех тонкостей брачных несчастий, то, может быть, найдется

немало сторон, с которых мужское страдание будет еще больнее женского. Из числа этих сторон позволим себе указать на одну: покинутая и обманутая женщина в большинстве случаев возбуждает к себе участие и сожаление, а покинутый и обманутый мужчина в таком же большинстве случаев возбуждает к себе насмешку, которой множество самых сильных людей не могли перенести, предпочитая смерть — осмеянной жизни. Жертвою такого положения погиб Пушкин, его боялся Гейне; тысячи других людей сделались от него людьми, достойными глубочайшего сожаления. А потому, не имея права отвергать, что разрушенное семейное счастье может убить одинаково женщину, как и мужчину, мы не видим в необходимости реформирования брачного вопроса один стимул из вопроса специально женского.

Обратимся к отысканию женского вопроса в положении наших девушек. Здесь мы видим то же самое, т. е. что зависимость женщины от родителей ее или опекунов в ее девическом веке, в период подготовки ее к жизни, — также малым чем отличается от общей

детской зависимости в семье русской. Деспотизм родительской власти в тех семьях, где с ним знакомы, одинаково давит или одинаково может давить и сыновей, и дочерей, а иногда даже дочерей меньше, чем сыновей. В «Грозе» старая Кабаниха забила сына своего Тихона более, чем дочь Варвару, в наших газетах родители В. недавно искали своего пропавшего сына и обещали ему какие-то уступки, которых не считали нужным оказать, пока не вывели его из терпения и пока он был с ними. В разгар петербургского нигилизма в 1862 и 1863 г. масса девушек, сбегавших из родительских домов в петербургские нигилистические коммуны, доказали, что семейный деспотизм по отношению к ним вовсе и не был так силен, как желается это представить некоторым специалистам по женской части. Если же указывать на самый факт побегов как на прямое следствие семейного деспотизма, то надо сознаться, что этот деспотизм очень недеспотичен, если от него так просто можно отделаться. Что это за деспотизм, который мог быть сброшен каждою девочкою, которая захотела его сбросить? Какой это деспо-

тизм, который ничего не умел поставить в защиту своей власти над возмущившейся против него женщиной? В России знают довольно много видов деспотизма, где он является во всей своей силе. Русь очень долго знала деспотизм правительственный, которого снять не было решительно никакой возможности и за малейшее неповиновение которому человека настигала строжайшая кара. Это был деспотизм. Россия и поднесь в тех местах, где еще не вошли в силу новые судебные учреждения, терпит деспотизм судейский и вообще деспотизм властей. Одна ревизия, произведенная пять-шесть лет тому назад сенатором Сафоновым в Пензенской губернии, показала, что произвол властей в самое недавнее время у нас не знал никаких невозможностей и что история купца, высеченного бирским исправником, вовсе не составляет явления, слух о котором мог бы удивить людей, знающих былые порядки в России, как это происшествие удивило наивных питерчиков. Безответственным деспотизмом властей совершались беззакония самые вопиющие: людей грабили, лишали доброго имени,

чести, состояния; отнимали жен у мужей, дочерей у отцов; а решался кто-нибудь жаловаться, брал котомку на плечи и, оставляя семью на жертву местному тиранству, сам плелся в Петербург, — его по дороге ждали либо сумасшедший дом, либо острог, где он и поканчивал свое земное странствование. Это тоже, бесспорно, был деспотизм. Третий вид деспотизма был деспотизм начальственный по службе, деспотизм, при котором могли выходить в люди только одни Молчалины, не смевшие своего суждения иметь. В Испании есть деспотизм религиозный; в Китае деспотизм обычая; в Англии деспотизм общественного мнения... Но как сопоставить со всем этим наш бессильный семейный деспотизм? Если у нас есть деспотизм, не только переживающий все доселе совершившиеся реформы, но еще даже черпающий в некоторых из них новую силу, то это один деспотизм общественный. Не деспотизм предрассудков общественных и мнений, не то, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна», а что облекается в право тирании и подавляет личность во имя общих интересов. Этот деспотизм,

страшный, как обоюдоострый меч, имеет еще ту особенность, что его иногда надо терпеть, потому что ограничение его в иных случаях было бы ограничением только что распочи-нающегося общественного самосуда. А между тем этот общественный деспотизм, при настоящей еще грубости нравов одних и темноте понятий других, то исключает человека из общества, то не выпускает из общества юношу, избирающего себе ученую карьеру, то отдает по приговору в смирительный дом, ссы-лает в Сибирь, сдает в опеку и даже в солда-ты, и делает все это всего чаще без всяких ос-нований — по побуждениям, заслуживаю-щим полного осуждения. Так, например, ко-гда одному флигель-адъютанту, посланному для наблюдения за производством рекрутско-го набора в одной губернии, было подано очень много жалоб на сдачу обществом в ре-круты людей неочередных, по общественным приговорам за дурное поведение, и когда по просьбам этим было произведено дознание, то оказалось, что общества, постановившие эти утвержденные присутственными места-ми приговоры, не могли ничего привести в

основание своих страшных постановлений. Общества нередко отвечали, что отданный по общественному приговору в рекруты за дурное поведение человек «как следует не умывался и не молился Богу», или просто «не исполнял как должно всей своей религии», или, еще проще, «оказывал недостаточное почтение старшим»... Так здесь мы опять видим и опять понимаем деспотизм. Могут вас лишить ваших прав, сдать вас без очереди в солдаты, запретить вам любить искусство, как желают сделать нигилисты и как сделали уже на днях мужики села Клебани, запретившие в своем обществе музыку и танцы; могут вас, взрослого человека, взять в опеку, как представляет напечатанная у нас драма г. Стебницкого «Расточитель»... Это деспотизм, и этого деспотизма наши петербургские публицисты не видят! Появление драмы «Расточитель», с ее несколько оригинальным, но все же сверхъестественным сюжетом, произвело переполох не только в театрально-литературном комитете, запросившем автора, могло ли быть и было ли когда-нибудь на Руси подобное происшествие, но даже во всей

печати, органы которой, за исключением «Москвы», «Московских ведомостей» и «Вести», ударили в набат — одни, что это анекдот, на котором нельзя было строить пьесу, а другие еще основательнее, что это просто выдумка автора и клевета на русскую жизнь, тогда как, исключая трех случаев взятия в опеку за расточительство, сообщенных театральнo-литературному комитету автором, во время газетных толков о невозможности такого общественного произвола над личностью. — В Петербурге было известно пять личностей, ныне несущих на себе всю тягость такого произвола, на каком построена драма г. Стебницкого. Эти расточители: г. Я—в в Петербурге, Сергей Ку—н из Москвы, Ор—в из Кашина, Со—в из Бежецка и Су—н из Твери. Деспотизм общественный, находя себе поддержку в кривосудии или невнимательности властей, лишает человека присущих ему прав по рождению и делает его ребенком, словно как в доброе старое время, в силу деспотичного крепостного права, по произволу владельца, человек обрекался на нежеланный брак или на безбрачие и в то же время наказывался за

разврат... А мы говорим о каком-то домашнем деспотизме! Где же он? Что такое этот деспотизм? Чем он выражается? Где его знамения в русской жизни! Не эти ли жены неохужденного поведения людей, променявшие честную жизнь на нигилистическую коммуну? Не эти ли дочери, следовавшие примеру этих жен? Не те ли девицы хороших фамилий, которых старший полицмейстер большого губернского города нашел в приютах разврата и на предложение избавить их от этой жизни — получил ответ, что эта жизнь предпочитается ими по ответственности их вкусам и образу мыслей?.. Что сделали деспоты-мужья и деспоты-отцы, чтобы взять назад своих жен из коммун или своих дочерей из притонов разврата? — Ничего. Эти деспоты только скорбели и, может быть, плакали, как женщины.

Мы совершенно понимаем всякое соболезнование о положении женских и не женских членов грубых семейств. Мы не только сочувствуем многим пьесам А. Н. Островского, но даже совершенно разделяем чувства, выраженные в «Капризах и раздумьи» г. Герцена.

И мы, как и г. Герцен, и знаем, и верим, что за каждыми тихими окнами, в которые нам светят на улицу мерцающие лампы, непременно есть какая-нибудь страдающая душа, какая-нибудь угнетенная или обижаемая семьею личность, но мы не знаем, на каком основании полагать, что эта личность всегда непременно — жена, дочь или свояченица? Мы не знаем, почему это не отец, оскорбляемый своими детьми, почему это не брат, обиженный братьями, почему не пасынок, терзаемый мачехой, или муж, взятый сегодня по жениной просьбе в опеку? А потому, соболезнуя и сострадая слезам всех этих людей, влачащих скорбную жизнь под родным кровом, мы здесь специально женского вопроса не видим. Мы видим здесь общечеловеческий вопрос, видим следы несправедливости и жестокосердия, к которым, к несчастью, так склонно человечество, но женского вопроса тут нет, и помогать горести несчастных в своей семье мужчин и женщин будет не существующий ныне «Женский вестник» и не «Мужской вестник» — журнал, в котором мы предвидим необходимость, — а возвышение

общечеловеческого развития, смягчающего нравы, просветляющего понятия и неравномерно облагораживающего и ум, и сердце. Эта задача не «Женского вестника» и не специалистов по женской части, а это задача просвещения и истинного христианства, внушающего строгость к себе и снисхождение к ближнему и искреннему.

Не видим мы также ничего специально-женского и во всех толкованиях о женском труде и о женском образовании. Это также вопрос общесемейный. Какому мужу не легче жить с женою, способною относиться к вещам здраво, без жесткого эгоизма, развиваемого семьею, в которой надо всем преобладали расчеты, без суетности, укореняемой привычками и обычаями так называемой светской среды, и без нигилистической легкомысленности, словом, без всех этих враждебных семейному счастью черт, характеризующих отношения многих современных женщин к самым важным в жизни вопросам? Какому мужу не легче думать о смерти, зная, что дети его останутся на руках женщины солидной и строгой к себе, которая не

даст детям произрасти в негодяев? Какому отцу не облегчится тяжелый час смерти, если он знает, что покидаемая им на земле дочь его остается с руками, с головой и с крепкими убеждениями, которые в общей своей совокупности не допустят ее предпочесть честной трудовой жизни жизнь бесчестную, но легкую для женщины празднолюбивой и безнатурной? Все это для всех мало-мальски просветленных людей — уже давно истины, не требующие ни сопоставления их дочерей на одну ногу с кобылицами, бегающими на царском сельском ипподроме, и никаких других ни умных, ни глупых доказательств. О людях совсем темных, тупых, глупых и корыстных мы не говорим: с такими людьми нечего толковать ни о женских, ни о каких вопросах, а их просто нужно, как малых детей, учить еще отличать добро от зла в самых простых обыденных случаях жизни; они глухи ко всему занимающему общество в сфере интеллектуальной, и их надо поучать не литературою, а над ними нужно разве стоять с указкой или ходить по пятам их, буде они это позволят, и буде кто пожелает принять на себя такую мис-

сию. Но для людей умных, разумея в этой категории всех людей, с которыми можно считаться понятиями и взглядами, давно решено, что солидная, умная и трудолюбивая женщина, мать, жена, дочь — достойны почтения, и они составляют для всех истинно умных и честных людей их идеал. Понимая это, каждый умный человек желает себе жены, достойной уважения, — женщины, способной приобретать себе в жизни почитателей и друзей, а не ухаживателей и ферлакуров; и каждый отец по мере сил своих и понимания тщится воспитать в дочери женщину, гарантированную добрым и целесообразным воспитанием от всяких недостойных симпатий. Вопрос может быть только в том: достигается ли это всеми и кто этого достигать желает? Можно сказать, что это нынче и достигается, более чем когда-нибудь прежде, но не всегда. Не всегда и далеко не всеми достигается это от причин самых сложных и самых многообразных. Во-первых, наше общество, как и наш ум, еще очень молоды. История нашего интеллектуального и нравственного прогресса испокон веков совершается необыкновенно

тихо и неспешно. (В чем, конечно, есть свое очень досаждающее зло, но, может быть, есть и свое добро.) Наши бабки росли еще на правилах «Домостроя», и высшею нравственностью для себя поставляли домовитость, чадородие и покорность. Наши матери, знавшие на память «Онегина» и читавшие в своих мечтаниях:

*Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый мне ты был уж мил,*

были выводимы из этих мечтаний патриархальным толчком, сопровождавшимся стихом другого современного им поэта:

*Ах, матушка, не довершай удара:
Кто беден, тот тебе не пара.*

Требовать от наших бабок и матерей, чтобы они дали дочерям своим такое развитие, о котором сами они не могли получить ни малейшего понятия, было бы очень большою несправедливостью. Но что же мы видим? Когда нам, сделавшимся теперь в эти годы мужчинами, пришлось иметь дело с дочерьми этих малоразвитых матерей и с внучками наших вовсе не развитых домостроительных ба-

бушек, мы требуем от женщин нашего поколения такого идеального преуспевания, какого самая прогрессирующая нация не в силах была бы дать в два, даже в три поколения! Справедливы ли мы сколько-нибудь к нашим сверстницам, несущим с нами вместе все клеветы и поругания за их мнимое равнодушие к делам прогресса и к изобретенному специалистами по женской части женскому вопросу? По нашему мнению, осуждения, падающие в этом на наших лучших современных женщин, очень несправедливы. Лучшим женщинам нашего времени, во-первых, принадлежит неотъемлемое право гордиться опровержением старинного мнения, что свобода женщину портит и что коню не следует верить в поле, а жене в доме. Нашего века хорошие женщины доказали, что они могут пользоваться свободой, не пятная человека, доверяющего их свободе. Нашего века женщины, не злоупотребляя этою свободой, сумели заставить людей относиться к себе как к человеку, как к существу, к которому можно быть влекомым по приязни, по дружбе, по уважению к ее достоинствам, одним словом, по по-

буждениям, не имеющим ничего общего с желанием вlepить ей ноздревскую безешку и созерцать ее с мыслью «во еже вожделети ю». И прибавим, что все это уменье пользоваться своею свободою наши лучшие женщины и семьянки доказывали в то время, когда современные им худшие женщины нашего времени ужасали свой век чудовищностью своего холодного, бесстрастного разврата по принципу и бросали черную тень на все современное им женское поколение. Не нашего ли поколения лучшие женщины сделали общее и дружное движение к мягкому обращению с своею прислугою и с детьми — к обращению, заменившему прежнюю резкость и суровость, подлежащие всяческому порицанию? Не нашего ли поколения женщин мы видели сестрами милосердия в крымскую кампанию? Не их ли мы видели и многих и поднесь видим бесплатными учительницами в народных школах? Не они ли первые сделали шаг к той простой жизни, где жена живет настоящею помощницею мужу и, вместо прежнего брандахлыстничанья да бесконечных концертов на своем красноречии, становится за

мужнин прилавок, за его конторку? Они ли перестали стыдиться забот о семейном обеде и гордиться исполнением своего материнского долга?.. Все это сделали они, наши лучшие женщины нашего времени, чудом единым, единою благостью великого Бога земли русской, в одно поколение сбросившие с себя целый хлам вековых предрассудков и в то же время не заставившие ни ближних, ни присных своих пожалеть о принадлежащей им свободе. Что же еще могли сделать эти женщины в каких-нибудь десять лет своего действия? Не в том ли великие вины их, что они не увлеклись табунною жизнью коммун и не учили пятилетних дочерей своих, в видах порабощения стыда, читать публично с подходящими телодвижениями «Неземные создания», как это делали нигилистки?

Нет! Поклон им до земли от всего, что любит Россию и что любит человечество, а не осуждение за то, что они не сделали больше и не сбежали в расплывшуюся после годового существования Знаменскую и тому подобные петербургские коммуны.

Нам добрые жены и добрые матери нуж-

ны. В них нуждается Россия более, чем в гениальных министрах и генералах. Наша страна такова, что она семьею крепка; наши нравы таковы, что мы чтим в женщине более всего хорошую семьюнку, и от этого идеала наш истинный русский человек не отступится. Наш русский человек знает, что ему не благо быть одному, а находясь в общении с женщиною, которая ему нужна только на минуту, он считает себя с нею одиноким и ищет подруги до вечной. Счастливая семья есть ближайший и законнейший из идеалов русского человека. Что же касается до женского труда, то мы сказали уже, что мы нимало не враждебно смотрели на женский труд; напротив, мы утверждаем, что в наше время есть прямая обязанность каждого умного отца и каждой умной матери употреблять все усилия, чтобы девушки возрастали, воспитываясь как можно солиднее. Мы видим полную необходимость, чтобы черный день, от которого ни один человек на свете заручиться не может, не застал со временем вырастающую девушку, как библейский жених застал деву юродивую с светильником, не увлажненным светящим

елеем, и хотим, чтобы страшный стук этого черного дня в ее девическую дверь поднял ее на ноги во всеоружии девы мудрой, имеющей в руке своей неугасаемый светильник, ободряющий ум и укрепляющий руку. Но мы не можем признать специализированье женщин первою и главною заботою в их воспитании, и этими словами мы не высказываем ничего преступнее того, что было очень недавно высказано о воспитании мужском. Мы вспоминаем то слово, от которого из конца в конец России встрепенулись долго спавшие русские умы: мы напомним слово о воспитании Н. И. Пирогова, столь мальчишески обруганного в «Современнике» г. Добролюбовым. Пирогов давал нам совет в воспитании сыновей наших заботиться прежде всего о том, чтобы из них выходили люди, а потом предоставлять им право делать себя специалистами. Мы думаем, что тоже самое должно быть применимо и к воспитанию наших дочерей: прежде прямые, честные, любящие и серьезные женщины, а потом пусть каждая из них, с ясно просвещенным умом и живо прочувствованными симпатиями, избирает

себе любую дорогу.

Нас разные специалисты по женской части упрекают в равнодушии к так называемому ими женскому вопросу. Справедливость заставляет сказать, что в упреках этих есть своя доля правды. Мы, то есть все люди нашей скромной партии, действительно оказывали очень долгое и довольно преступное равнодушие в том отношении, что не употребляли в свое время почти никаких усилий раскрыть обществу, что за вздор такой заключает в себе весь этот так называемый женский вопрос. Но в этом, впрочем, не столько виновато наше равнодушие, сколько наша несчастная русская сентиментальность, наша неуместная деликатность, простирающаяся во многих случаях до тех пор, пока зло, которое легко было бы раздавить при первой с ним встрече, разрастается и представит уже нечто требующее известных усилий для его искоренения. Так у нас шла игра в либеральные бирюльки с поляками; так мы деликатничали, да и поднесь еще деликатничаем с роющими нам яму нигилистами, и так же вели мы себя по отношению и к специалистам

по женской части, которых ничего не стоило вывести в шуты с первою написанною ими строкою в защиту читавшей «Египетские ночи» чиновницы Толмачевой. Мы ждали, пока выдуманный этими специалистами вопрос займет свое место, рассядется по печатным страницам в журналах, заведет целую свою литературу и свои литературные спорные партии и заманит плохеньких, неопытных дамочек и девочек в нигилистические коммуны, откуда они потом повыходят матерями детей, не знающих своих отцов, или женщинами, признающими принятие платы за отдачу на подержание своих прелестей — своим прирожденным и естественным правом. С этой стороны мы действительно вели себя по отношению к женскому вопросу очень преступно.

Других же вин никаких мы за собою в вопросе о женском воспитании не видим. Следуя неуклонно приведенному нами пироговскому правилу, правилу святому, умному и единственному из всех правил воспитания выдерживающему всестороннюю критику, мы ведем своих детей гораздо ближе к пря-

мой и естественной жизни, чем полагают некоторые специалисты по женской части. Мы имеем все шансы рассчитывать, что при пособии совершенно равносильных нам хороших женщин нашего времени, одинаково смотрящих на дело воспитания, мы возрастим поколение женщин, лучшее и более солидное, чем многие прежде спешившие поколения, и увидим в этих женщинах человека — образ и подобие Божие, состоящий в правде и преподобии истины. Увидим женщин долга и обязанностей, а не женщин фраз и рассуждений, размноженных в наш смутный век специалистами по женской части. И когда мы увидим этих подрастающих женщин с задачей исполнить свой долг на земле и свою обязанность человечеству, а не препираться весь век о правах, — мы тихо со всяческим спокойствием прочтем себе: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко», и сойдем под смертную сень, зане все, что мы были в силах совершить в краткий век наш, будет нами совершено. Затем на покинутое рало наше пусть наложит тогда свою руку новый пахарь, новое поколение, борозды которого пойдут, мо-

жет быть, и глубже и тверже тех, которые провели мы, застигнутые врасплох, без подготовки, с одним святым заветом отцов своих: любить Русь, чтить имя женское и уважать святыню и неприкосновенность семьи, — словом, с заветом, который был для нас в жизни превыше наших слабых знаний и который, господствуя над нами силою своих преданий, не допустил нас ни до каких грубых увлечений оскотовляющими, идоложертвенными теориями. Мы умрем, сознавая, что мы и наши сверстницы, наши подруги сделали для воспитания добрых семян в душах женщин, оставляемых нами будущему веку, все, что могли сделать люди одного поколения, весь век которых перед лицом истории жизни государства не более, как один «день вчерашний».

Мы расходимся с присяжными специалистами по женской части вовсе не потому, чтобы полагали, что женщине разумная свобода вредна и открытие путей к независимому существованию неуместно.

Огромная разница между нами и специа-

листами по женской части заключается вовсе не в этом. Такою эту разницу представляют себе женщины, открыто нигилиствующие (нравственный кодекс которых, все совершенствуясь и совершенствуясь, дошел уже до того, что об нем неудобно говорить в печати), да женщины, наружно, в силу предания, еще хотя и уважающие солидность женского характера и поведения, но в глубине своего сознания склонные надо всем этим издеваться и даже с любовью готовые нигилистически поманкировать и своим добрым именем, и своею честью. Эти явные и потаенные нигилистки да занимающие их праздные умы специалисты по женской части, видя, что нас нельзя разуверить, что разврат под всеми названиями, какие бы для него ни были изобретены, все-таки есть разврат, а не свобода, — старались прокричать, что мы враги женского освобождения, женского воспитания и женского труда.

Главная же разница между нами и всеми нигилиствующими заключается в том, что женские специалисты и нигилисты держатся старинных правил двуличности, в которой

они упрекали редактора «Домашней беседы» г. Аскоченского, «достигающего (по их выражению) земных благ небесными путями», а мы держимся иных, несколько новых начал, начал откровенной и бесхитростной прямоты. По самому характеру целей, нами преследуемых, мы можем идти этими путями и ни в каких иезуитских приемах не нуждаемся, а они должны маскировать свои цели и держаться подъяческих хитростей доброго старого времени. Мы знаем, что есть любовь, есть страсть, увлечения и даже есть легкая любовная шалость, и не отвергаем их существования, и не осуждаем не только ищущих любви, но и даже обходящихся при удовольствиях любовных шалостей. Но не так думают специалисты по женской части и нигилисты (что, впрочем, все равно, потому что, за исключением гг. Соловьева и Карновича, всякий специалист по женской части есть нигилист, и всякий нигилист есть непременно специалист по женской части). Они начали с издевательства над восторгами наших поэтов по поводу женской красоты:

«Дианы грудь, ланиты Флоры» и «Ножка

Терпсихоры»

мутили их до того, что они не могли без ругательства произнести имени Пушкина, который, будь он жив, раздавил бы их всех со всеми их теориями одним «железным стихом» своим.

«Кудри девы-чародейки»

почтенного ветерана русской поэзии Бенедиктова перевернуты были в пародии в «Ваньку-Таньку». Лермонтовский «Демон» или, лучше сказать, страстные строфы лермонтовского «Демона» были также избраны предметом для глупых пародий, рассказанных лошадиными языками развязных поэтов «Искры». Все, что есть теплого и милого в стихотворениях Фета, начиная с стихотворения:

«Какое счастье: ночь, и мы одни!»,

до безглагольного

«Шепот, робкое дыханье»

и до грациозной «Крошки», — все это было перековеркано и названо клубниччиной, и Пушкину, с тою же логичностью, которая отличает все нигилистические суждения, навязывались в идеал его

Вот, говорили, куда эти идеали-

сты ведут женщин, уговаривая их сначала, что они рождены для поклонения, а потом сажая их на дрожки, которые помчат их по петербургской мостовой к одному из притонов приезжающего разврата!.. Но сами эти враги «певцов красы», конечно, не были свободны от обаяния груди Дианы ланит Флоры: они требовали самых простых и самых грубых услуг от женщины, но желали это замаскировать. И вот великим вредностям прежнего пушкинского направления противопоставлялось приглашение к труду. «Труд, труд и труд» — только и раздавалось в течение целых годов на страницах нигилистических журналов. А когда в редакцию одного из таких журналов стали присылаться от взманенных подобными статьями женщин письма с просьбами поручить их, как приступить к организации трудовой и независимой жизни, — некоторые сотрудники этого журнала, имя кото-

рых с позором вспомнит история, положили начало учреждению известной Петербургу Знаменской коммуны... По примеру этой коммуны, в самое быстрое время в Петербурге вдруг возникло несколько подобных коммун, и такие же коммуны учредились в Москве. Коммуны эти, находясь под управлением разных специалистов по женской части, были похожи одна на другую как две капли воды тем, что труда и общезжителъства, во имя которых они учреждались, в них не было или было менее, чем во всяком частном доме, но свобода половых отношений и специализированные этого вопроса были доведены в них до такой безграничности, что полиция столицы, равнодушно смотрящая на политические затеи коммунистов, стала обращать внимание на жизнь коммунисток, подходившую к образу жизни женщин, подведомых надзору медико-полицейского комитета. Подлежащим ведомствам

стало известно, что специализированье вопроса о свободе было доведено до внимания к средствам, дающим возможность жить, ни в чем своему организму не отказывая и в то же время не наживая детей. Стало известно, что в образце такой жизни приводился образ жизни женщин, составляющих общественную собственность, и что как сведение женщин к разврату в коммунах было покрываемо флагом труда, так и специализированье бесприродной жизни покрывалось философскою теорией Мальтуса, по которой большое размножение человеческого рода, как известно, считается вредным. — Земные, самые низкие, самые недостойные цели, перед которыми ничто всякая корысть и любостяжание, во имя которых будто бы ханжит г. Аскоченский, прикрывались выпрєнными принципами: трудом и философскою теорией!..

Предвидя, что это кончится такою гадо-
стью, какою это действительно кончилось и

В какой ныне мало-помалу начинают сознаваться сами жрецы всех этих теорий, люди наших воззрений, разумеется, не могли относиться без презрения к речам о труде, за которым заднею мыслью стояло низведение от торгнутой от семьи женщины до необходимости погибнуть.

Что же касается до самого труда и до того, что кобылицы на царскосельском ипподроме бегают с такою же быстротою, как и жеребцы, а наши девушки и женщины не могут конкурировать в заработке с мужчинами, о чем убивались в самое недавнее время «С.-Петербургские ведомости», то в этом виноваты не мы. В этом виновата, во-первых, сама менее сильная натура женская, а во-вторых, и род ближайших занятий женщины, указываемых ей ее природою. Мы сказали, что, по-нашему мнению, общество русское нуждается в хороших матерях и женах гораздо более, чем в искусных специалистках, и потому задачей женского воспитания должно быть умножение числа хороших женщин, чему в свою очередь должна помогать здоровым и честным

направлением и литература. К нашим словам мы присоединим слова большинства женщин, которые ни за какую эмансипацию не отдадут своих семейных обязанностей. Нам часто говорят, что обличение нигилистических и всяких других происков дело полиции, а не литературы. Если это так, то будет еще основательнее сказать, что устройство заведений, где женщины имели бы возможность усваивать себе полезные специальности, уже совсем дело не литературы, а специалистов по женской части. Они первые должны принести специализированью женщин те жертвы, каких это дело требует, ибо они были первые, которые о нем вопияли. Высшее женское училище в Америке, как известно, устроено на частные средства; пусть же и наши специалисты по женской части не стоят на этой дороге столбами, указывающими путь, по которому сами идти не могут. Мы знаем, что такое училище пригодится для весьма незначительного числа русских женщин, которые семейному призванию предпочтут специализированье себя в какой-нибудь науке. Но мы от всей души желаем, чтобы и эти исключения

нашли себе средства удовлетворить своим стремлениям. Пусть семьи живут себе своею жизнью, пусть будут и специалистки. Мы уверены, что ни общество, ни правительство не бросят бревна поперек дороги такому начинанию; но, во-первых, пусть же это будет начинание, а не бесконечная болтовня. Пусть специалисты, сочувствующие мысли основания высшего училища для женщин, идут путем, которым и следует идти в делах подобного рода: пусть они первые покажут свою готовность служить этому делу своими жертвованиями. Это будет дело, а не фразы, не разговоры, из которых состоял до сих пор весь женский вопрос. Пусть общество увидит в этом действительные заботы о доставлении женщинам средств достигать высшего образования, и мы нимало не сомневаемся, что не будет ни одного органа в русской прессе, который бы не принял самого горячего участия в этом деле. Что касается до нас, упрекаемых во враждебности к женскому вопросу, то мы, оставаясь при всех высказанных нами об этом вопросе убеждениях, первые с величайшей готовностью вызываемся обречь пожиз-

ненно известную часть нашего заработка на основание капитала для высшего женского училища.

Специалисты по женской части и нигилисты легко могут найти в рядах своих людей, которые достаточно сильны, чтобы положить почин этому делу и открыть ему дальнейшую дорогу, а женщины, желающие ученой специальности, имеют полнейшее право требовать, чтобы, после долгого празднословия о женском вопросе, почин этот был наконец положен.

Правительство, за отстаиванье которого так язвительно упрекают нас свободомыслящие органы А. А. Краевского, дает очень мало шансов ожидать, чтобы ходатайство о составлении капитала для высшего женского училища встретило отказ, если это ходатайство будет поведено в узаконенной форме и в духе тех скромных требований, которые нужны для основания заведения, где бы женщинам преподавались высшие науки без присоединения к наукам тенденций, отличавших студенток Военно-медицинской академии. Правительство без всякой неблагосклонности

смотрело на труды докторов Персона и Тарновского, которые в здешней Калининской больнице образовали женщин, получивших право лечить известные женские болезни. Правительство нынче не возбраняет директору Евангелической больницы доктору Майеру вести весь госпиталь при участии одних женщин, из которых г. Майер образовал себе не только сестер милосердия, смотрительниц и экономок, но и фельдшерниц и фармацевток, и, будучи природным немцем, завел между всеми лицами Евангелического госпиталя артельное начало.

Если же единоличные попытки, сделанные в малом виде, не встретили со стороны правительства никакого противодействия специализированью женщин, то может ли быть, чтобы правительство обнаружило столько суровости, отказав в разрешении русскому обществу сложиться на устройство высшего учебного заведения для тех русских женщин, которые пожелают создать себе ученую специальность? Мы этого не допускаем; мы этому не верим, и ноющие ноты, по которым рассчитываются жалобы на невозмож-

ность у нас высшего образования для женщин, признаем вздором, к которому могут прибегать люди, желающие целый век рисоваться то положением опасным, то положением безвыходным. В этой рисовке положением, то опасным, то безвыходным, правительство не без основания давно привыкло видеть заднюю мысль: возбуждение против него общественных страстей, — и это вредит всякому делу, начинаемому с такими занываниями. Пусть специалисты по женской части хлопочут только о женщинах, без изыскания средств эксплуатировать при этом женскую легковёрность, — и дело это наверно найдет очень мало врагов в России. Нам могут сказать: но где же успех этого дела? он едва ли возможен только в будущем поколении. — Да, конечно, первые результаты хлопот об открытии женщинам средств к высшему образованию — едва могут быть достигнуты следующим поколением; но неужто это может остановить людей, желающих послужить русским женщинам?

Одно из двух: или должно нести эту службу, ничтоже сумняся, что не нам придется

увидать русских специально образованных женщин, в основу образования которых мы положим свою лепту, или... остается своей уклончивостью от такого способа действия сознаться, что, хлопотавши о женщинах, мы только забавлялись сами женским вопросом, тешили празднословие людей, оболыщенных нашими безответственными речами, и искали женской свободы для себя самих, а не для женщин.

Игра теперь должна быть открытая: есть женщины, которые желают высшего образования и специализированья; есть мужчины, которые давно распинаятся в пользу женского вопроса. Пусть же эти мужчины открывают свою игру — или пусть прячутся в кусты. Повторяем, игра открывается, и взманенные специалистами по женской части женщины довольно дружным хором запевают: «избавьте нас от наших друзей, и мы сладим с своими врагами».

Пусть специалисты по женской части спрячутся со сцены с своими пошлыми хлопотами, в которых привыкли все видеть, под видом забот о женщинах, заботы о политиче-

ских организациях да о разврате, и тогда для желающих высшего образования женщин откроются дороги, по которым они могут идти гораздо прямее и ближе к усвоению себе специального образования.

Таково наше преступное и сердито обругиваемое мнение о женском вопросе, таково и отношение наше к этому вопросу, которым надо заниматься не литературе, а просвещенной филантропии, имеющей доступ к правительству.

Желая платить добром за зло, мы в заключение своей статьи и по вопросу, к которому засим надеемся никогда уже не возвратиться, откроем небольшой секретец специалистам по женской части. Им нужно о чем-нибудь толковать по отношению к женщинам и выкапывать все, что мало-мальски годится для примазывания к женскому вопросу. Привычка к этому занятию, равно как и привычка есть хлеб, доставляемый этим занятием, вероятно, еще долго не допустит их расстаться с этим женским вопросом, а между тем им приходится повторять одно и то же, тогда как мы

знаем нечто такое, с помощью чего можно действительно сделать хотя небольшой, но зато настоящий женский вопрос. Пусть невинные специалисты по женской части узнают, что в России есть закон, по которому при разделе наследств слабая и относительно бессильная женщина получает крупницу в сравнении с львиною долею крепкого и мощного мужчины. Пусть специалисты узнают, что общество может обходить этот закон, как в Англии обходят закон продажи неверных жен на рынках; что раздел состояния поровну между детьми обоего пола зависит все-таки от воли владельца, и что все горе в том, что общество только преступно не проникается заботою спасать девушек от суровости этого закона и тем становится суровее самого закона.

Специалистам по женской части это дает прелестнейший повод долго и много писать в пользу женщин, прежде чем будет достигнуто, что живые сердца родителей станут чутче неподвижных букв закона. Мы опасаемся одного, что специалистам по женской части, кои суть большею частью и нигилисты, пока-

жется неудобным отстаивать женский вопрос со стороны имущественной, так как собственность в принципе у нигилистов дело незаконное; но если даже несколько и неловко будет в принципе хлопотать о женской собственности, то это может быть далеко не безвыгодно, а у иезуитов и у нигилистов цель, как известно, оправдывает средства. Чем более будут получать земных благ некоторые женщины теперешних нравов и теперешнего развития, тем это лучше для современных специалистов по женской части. Известно же, что некая княжна-нигилистка принесла свое состояние на пользу нигилистических вопросов, а дело нигилистов не проиграно и ныне находится в таком цветущем положении, в каком оно никогда себя не видало. Потому можно надеяться, что княжна-нигилистка не последнее лицо, частная собственность которой может по принципу перейти в общую собственность коммунистических лентяев.

Примечания

Пугала (букв. «черного зверя») — Франц.

[^^^]

2

Ворóной (paletot de quai — букв «пальто для набережной») — Франц.

[^^^]

Каждому свое — Лат.

[^^^]

Волей-неволей — Лат.

[^^^]

5

То же через то же — Лат.

[^^^]